

Философская библиотечка для юношества

П.В. Корнеев

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ

Философская библиотечка для юношества

П.В. Корнеев

**ЖИЗНЕННЫЙ
ОПЫТ
ЛИЧНОСТИ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Корнеев Петр Владимирович
К67 **Жизненный опыт личности. — М.: Политиздат, 1985. — 128 с. — (Филос. б-чка для юношества).**

Книга посвящена актуальной, особенно для молодежи, проблеме формирования жизненного опыта. Автор — кандидат философских наук П. В. Корнеев в доходчивой форме характеризует особенности жизненного опыта личности, затрагивает вопрос о смысле жизни, ведет с читателем интересный, непринужденный разговор о серьезных нравственно-этических проблемах.

Книга рассчитана на молодого читателя.

К	<u>0302030800—375</u>	96—85	15.50
	079 (02)—85		
			1МИ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *А. Н. Голубев*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художник *Т. Н. Войткевич*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Е. Ф. Леонова*

ИБ № 4799

Сдано в набор 27.05.85. Подписано в печать 22.08.85.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная, офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать офсетная Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт 11,55. Уч.-изд. л. 5,49.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ 760. Цена 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

1. Трудные пути жизни

«Умение жить» — что это такое?

Каждый из нас время от времени имеет счастливую возможность наблюдать за действиями опытного, искусного мастера, хорошо овладевшего своим делом. Особая красота и притягательность заключены в таком мастерстве. Мы восхищаемся «золотыми руками» рабочего — виртуоза своей профессии, мастерством артиста, изяществом и легкостью, с которыми спортсмен выполняет труднейшие упражнения.

Во всех этих случаях речь идет о мастерстве в какой-либо определенной профессии или области жизни. А если мы рассмотрим всю жизнь, весь жизненный путь человека, то можно ли при этом говорить о мастерстве,

искусстве, умении? (Слово «искусство» употребляется здесь в том же значении, что и мастерство.) Существует ли «искусство жизни», «умение жить»?

Да, искусство жизни существует. Это — умение или, точнее, степень умения решать всевозможные задачи, возникающие перед человеком в его жизни. И это особо трудное, сложное, тонкое искусство. В то же время оно нужно каждому человеку, чтобы вести свою жизнь разумно, с наибольшей пользой для себя, для других людей и общества, с наименьшим количеством ошибок. Искусство жизни было нужно людям всегда, однако оно особенно важно для современной молодежи, поскольку пути и формы включения молодых людей в общественную жизнь и производство сильно изменились.

В прошлом человеческое общество развивалось довольно медленно, под большим влиянием многочисленных устойчивых традиций. Каждый человек был, как правило, тесно связан с определенной социальной (общественной) ячейкой: семьей, сельской общиной и т. д. Родители имели сильную власть над детьми, которые часто на всю жизнь оставались в родительском доме или где-нибудь поблизости от него, наследовали профессию и даже образ жизни родителей. Сознание людей формировалось под определяющим воздействием религии. Средства массовой информации были развиты незначительно или вообще отсутствовали.

В этих условиях основными формами связи младшего поколения со старшим являлись подражание, послушание, повторение, воспроизведение, приспособление, копирование и т. п. Мы вовсе не хотим сказать, что эти формы всегда плохи и неприемлемы. Сознательное подражание положительному примеру заслуживает всяческого одобрения, чего нельзя сказать о рабском, слепом подражании, копировании. Здесь мы хотим лишь отметить, что когда основной формой приобщения младшего поколения к миру взрослых было подражание,

то искусство жизни во многом упрощалось. Оно сводилось в конечном счете к искусству подражания.

Несомненно, разумное подражание, воспроизведение известного, верность лучшим традициям необходимы молодым людям и теперь. При этом важно учитывать, что современное человеческое общество глубоко отличается от прежнего. Оно неизмеримо быстрее развивается, многие старые традиции и обычаи в нем изжиты или ослаблены, а на смену им не всегда и не сразу приходят новые. Связь человека с определенной социальной ячейкой стала менее прочной. Родители уже не имеют прежней власти над детьми, которые, повзрослев, зачастую живут далеко от них и выбирают другую профессию. Сознание граждан социалистического общества, как правило, свободно от духовного гнета религии. Средства массовой информации (печать, радио, телевидение) получили в настоящее время большое развитие и распространение.

Все это означает, что современная эпоха предъявляет к человеку высокие требования. Он должен более самостоятельно, чем прежде, ориентироваться во всевозможных жизненных ситуациях, оценивать и обобщать самые различные факты, принимать ответственные решения и выполнять их. Начиная свой сознательный жизненный путь, молодой человек сталкивается со множеством трудностей, неясностей, соблазнов, перед ним возникают сложные вопросы: «Что я могу и должен делать?», «Как строить свои отношения с другими людьми?», «Каков я сам?», «Как надо жить?» и т. п. Не каждый вовремя находит нужные ответы на все эти вопросы. В печати нередко публикуются письма девушек и юношей, которые, по их собственному признанию, заблудились в жизни, бесцельно бродят по ее лабиринту, не знают, куда деть себя и как применить свои силы. Автор одного из них пишет: «Как жить? Я в тупике». Искренность его слов не вызывает сомнений.

Трудности, с которыми часто сталкиваются молодые люди, находят отражение и в художественной литературе. В стихотворении Евгения Винокурова «Мы были молодыми» читаем:

Нам бы точку опоры!
Но где ж ее взять молодым.
Дым и споры и споры,
Все споры и споры и... дым.

Отсутствие «точки опоры» может приводить к ошибкам, необдуманым, нелепым поступкам, в которых человек сам потом горько раскаивается и за которые платит слишком дорогой ценой. Все это говорит о необходимости для современной молодежи своеобразного «искусства жизни» и о важности его философского рассмотрения. Чем больше молодой человек овладевает этим искусством, тем меньше он допускает ошибок и нелепостей.

Но если это искусство столь важно и ценно, почему о нем не говорят на всех перекрестках? Оказывается, оно не так заметно, не так бросается в глаза. Его невозможно демонстрировать так наглядно, как мастерство в какой-либо определенной области. Польза, приносимая этим искусством, не поддается точному измерению, ибо в человеческой жизни тесно переплетаются самые разнообразные факторы. Если, например, человек сам проявлял некоторую активность да еще ему помогла счастливая случайность, то как определить долю того и другого, как выделить их «в чистом виде»? Зачастую тот, кто действует мастерски и умело, но попадает в неблагоприятную обстановку, достигает меньшего, чем неискusный и неумелый в хороших условиях, и это делает его мастерство малозаметным. Кроме того, некоторые просто не привыкли выставлять напоказ свое «умение жить», а другие, наоборот, охотно хвастаются

мними успехами и т. д. Поэтому «искусство жизни» как бы отступает на второй план.

На первый взгляд, «умение жить» может показаться исключительно личным делом, никак не связанным с политикой, с развитием социалистического общества и формированием нового человека. И оно действительно является личным делом человека, но при этом не находится вне политики. В современном обществе политика вездесуща, она пронизывает все социальные процессы и отношения. Все области общественной и личной жизни так или иначе связаны с политикой, развиваются под ее влиянием.

В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии отмечается: «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь. Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важных задач социальной политики»¹. Здесь поставлен один из основных вопросов, относящихся к нашей теме, — вопрос об умении каждого человека правильно использовать возможности, предоставляемые ему обществом. Тот, кто не научился хорошо использовать эти возможности, тот еще не овладел в должной мере «искусством жизни». Своевременное и эффективное использование имеющихся возможностей — неотъемлемый признак всякого мастерства. Это подтверждается во всех областях жизни: на производстве, в быту, в спорте и т. д. Правила спортивных соревнований одинаковы для всех, и каждый их участник, вообще говоря, имеет возможность занять

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

призовое место. Все дело в том, как она используется. Нечто подобное можно сказать и об «умении жить», поскольку оно непременно включает в себя умение реализовать те или иные возможности.

Советское социалистическое общество предоставляет и гарантирует своим гражданам большие права и свободы. Они провозглашены в Конституции СССР и других законах. А что такое права и свободы? Это и есть социально санкционированные, то есть признанные и разрешенные обществом, возможности осуществлять какую-либо деятельность и пользоваться теми или иными благами. Человек имеет определенные права — это значит, что общество признает за ним возможность делать (или не делать) что-либо (вместе с тем общество возлагает на него известные обязанности). Таким образом, и здесь речь идет о возможностях. Умение использовать имеющиеся возможности связано и с общей культурой человека, его мировоззрением и воспитанием. Несомненно, культура и мировоззрение личности оказывают заметное влияние на то, какие из своих возможностей человек использует и как он это делает.

В нашей литературе есть работы, посвященные различным сторонам «умения жить». Как правило, это очерки, написанные журналистами или публицистами и рассказывающие о жизненных путях определенных людей, чаще всего людей яркой, интересной судьбы. Разумеется, такие произведения нужны. Однако в их задачу не входит теоретическое исследование вопросов «искусства жизни». А чтобы глубоко разобраться в этих вопросах, надо не только знать некоторые факты из биографий интересных людей, но и анализировать, оценивать, обобщать эти и многие другие факты.

И здесь большую помощь может и должна оказать философия. Одна из основных задач философии — исследование наиболее общих законов бытия и позна-

ния. Отсюда не следует, что философия игнорирует факты. Нет, она не отбрасывает факты, но и не ограничивается их описанием, а идет дальше и глубже, стремится постичь сущность явлений, рассматривает их в наиболее широкой взаимосвязи.

Кроме очерков об интересных людях в нашей литературе имеются работы об искусстве быть самим собой, об умении владеть собой и т. п. Их авторы — обычно медики или психологи — дают советы о том, как отвлекаться от неприятных переживаний, успокаиваться после волнений, сосредоточиваться и т. п. Полезность таких советов несомненна. Однако умение владеть собой — это лишь часть «умения жить», которое очень многогранно: оно предполагает то или иное понимание смысла жизни, природы человека, его прав и обязанностей, самопознание и самооценку; наиболее общую ориентацию во всевозможных делах жизни, ту или иную степень умения определять свой жизненный путь, решать разнообразные личные вопросы, развивать и правильно применять свои силы и способности и т. д.

Для глубокого и разностороннего теоретического понимания этих проблем необходима философия. В сочинениях основоположников марксизма-ленинизма содержится много ярких, интересных мыслей, помогающих разобраться в интересующей нас теме (мы будем обращаться к ним в дальнейшем).

Потребность в обсуждении данных проблем очень велика, особенно у молодежи. По этой причине и написана настоящая работа. Автор сознает огромную сложность и трудность избранной темы. Он отнюдь не претендует на роль оракула, владеющего всеми «секретами» жизни, и не намерен «с ученым видом знатока» давать читателю безоговорочные предписания и указания. Автор хотел бы лишь обсудить некоторые важные вопросы, привлечь внимание к ним, вызвать интерес

к дальнейшим поискам и размышлениям. Как ни трудно «искусство жизни», о нем все-таки можно и нужно говорить.

Три плода мудрости

В философии «искусство жизни», «умение жить» было предметом размышлений начиная с глубокой древности. Правда, античные (древние) философы не всегда четко отличали его от других умений: от умения решать хозяйственные или торговые задачи, вести судебные или политические дела и т. п. Это и неудивительно, поскольку оно действительно связано с другими умениями и его не сразу можно отличить от них. Кроме того, в античной философии была довольно сильна тенденция созерцательности: являясь, как правило, представителями класса рабовладельцев, жившего плодами чужого труда, древние философы считали высшим благом и достоинством человека размышление, не связанное с «прозаическими» житейскими делами. Однако испокон веков многие философы глубоко интересовались «искусством жизни». Понимая философию как любовь к мудрости, они считали, что мудрость включает в себя способность человека разумно направлять свое поведение, избегать ошибок и недостойных поступков.

Для античных мыслителей философия была помимо всего прочего учением о том, как надо жить. Настоящий мудрец, по их мнению, должен уметь не только правильно рассуждать, но и правильно действовать. Великий древнегреческий философ-материалист Демокрит утверждал: «...мудрость приносит следующие три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать». Основные термины древнегреческой философии, которым была присуща многозначность, можно перевести на русский язык и такими словами, как искус-

ство, мастерство и т. п. Например, «эпистеме» — это не только доказанное, твердо установленное знание, но и умение, искусство, опытность. «Техне» (слово, от которого берет начало термин «техника») — мастерство, умение, основанное на разуме, — относилось не только к отдельным навыкам, но и к человеческому поведению в целом. Впоследствии знаменитый древнеримский оратор и философ Цицерон определял философию как «искусство жизни» (*ars vitae*), в котором теория и практика слиты воедино.

Однако в дальнейшем эта ценная традиция заметно ослабела и отступила на задний план. Здесь имела значение и классовая ограниченность философов, которые, будучи представителями праздных, эксплуататорских слоев общества, не могли широко и плодотворно развивать теорию человеческой деятельности. Сказалось, конечно, и влияние христианства, которое принижало, а то и обесценивало «земную» жизнь со всеми ее заботами. Но философская мысль никогда не забывала об «искусстве жизни». Достаточно назвать «Опыты» Монтеня, «Максимы и моральные размышления» Ларошфуко, «Этику» Спинозы, сочинения Локка, Руссо, Гельвеция, Канта и других мыслителей, обсуждавших вопросы этого искусства.

Каким же путем можно овладеть «искусством жизни»?

Жизненный опыт — путь к «искусству жизни»

Всякое мастерство достигается путем упражнения, с течением времени, по мере накопления опыта. Никто не может стать мастером своего дела сразу же, как только он пожелал заниматься этим делом. То же самое относится и к «искусству жизни». Но какой опыт надо приобретать для овладения этим искусством?

Ответ напрашивается сам собой: человек овладевает «искусством жизни» по мере того, как он приобретает жизненный опыт. По мнению некоторых, это искусство настолько трудно, что овладеть им вообще невозможно. К такому пессимистическому выводу они приходят потому, что, во-первых, преувеличивают действительно большую сложность этого особого мастерства, а во-вторых, не учитывают, что путь к нему — это жизненный опыт, а он есть у каждого человека.

Но читатель может возразить: «При чем тут молодежь? Пусть о жизненном опыте рассуждают седовласые старцы, окидывая мысленным взором с высоты возраста свой долгий путь. А у молодых жизненный опыт невелик. Стоит ли им забивать себе голову этими вещами? Придет время — придет и опыт».

На это можно ответить следующее. Молодость — очень важный и сложный период человеческой жизни. Это не только время развлечений, но и время труда, первых самостоятельных решений, выбора профессии, выбора спутника жизни и вообще время поиска своего места в жизни. От того, что делает человек в молодости, во многом зависит вся его дальнейшая жизнь. Поэтому крайне важно, чтобы он серьезно обдумывал и свой и чужой опыт и делал правильные выводы.

Следует учитывать и то, что в жизни молодых людей весьма велика неопределенность. Под этим словом мы имеем в виду неполноту знаний человека об окружающем мире и о себе самом, наличие самых разнообразных возможностей, наличие множества случайностей, невозможность точного предвидения своего будущего и т. п. А там, где неопределенность велика, особенно важен опыт. Это можно показать на простом примере. Предположим, что в ходе подготовки к какому-либо путешествию или экспедиции намечены два маршрута. Один известен по предшествующим походам, неплохо изучен и освоен. Правда, и здесь возможны непредвиденные

случайности, но все-таки неопределенность мала. Другой маршрут еще никем не был пройден, таит в себе много неожиданностей, здесь неопределенность очень велика. Имеются две группы участников: опытная, совершившая много сложных походов, и неопытная, состоящая из новичков. Как распределить эти группы? Ответ ясен: неопытную группу надо направить на освоенный маршрут, а опытную — на неосвоенный, где неопределенность велика.

Таким образом, в молодом возрасте с его неопределенностью человеку особенно нужен опыт. Разумеется, молодежь имеет некоторый жизненный опыт, это не вызывает сомнений. Здесь уместно отметить одну важную особенность жизненного опыта, отличающую его, скажем, от естественнонаучного опыта. Как правило, естественнонаучный опыт (наблюдение и эксперимент) имеет четкие границы во времени. Всякое наблюдение (или эксперимент) начинается и заканчивается в то или иное время, которое обычно и отмечается ученым. Что же касается жизненного опыта, то он не имеет четких временных границ. И хотя даты рождения и смерти образуют абсолютные пределы жизненного опыта человека, но в этих пределах время его формирования не может быть точно установлено. Вряд ли можно утверждать, что человек начинает приобретать жизненный опыт с какого-то определенного возраста или периода своей жизни. И юноша, и подросток, и даже ребенок имеют некоторый опыт. (Впрочем, опыт ребенка очень мал. Наивность, непосредственность, беззаботность детей, их бесконечные вопросы объясняются главным образом их неопытностью.)

Если наш собственный опыт незначителен, мы можем учитывать и использовать опыт других людей. К сожалению, некоторые не делают этого и даже не понимают, как это важно. Известно, что многие люди предпочитают учиться не на чужих, а лишь на своих

собственных ошибках. Вероятно, именно поэтому так часто повторяются одни и те же ошибки. Конечно, в чужом опыте для нас важны не только ошибки, но и успехи, и пути их достижения.

А впрочем, верно ли, что жизненный опыт молодости всегда мал и незначителен? Хотя он возникает не сразу, а с течением времени, это еще не значит, что он зависит только от возраста и всегда прямо пропорционален возрасту. Давно замечено, что если человек занимает активную жизненную позицию, ведет содержательную, насыщенную делами жизнь, то его время как бы уплотняется. Это можно сказать и о многих молодых людях нашей страны. Молодежь активно участвует в огромном созидательном труде советского народа. На ударных комсомольских стройках, на производственной практике, в студенческих строительных отрядах, на службе в армии молодые люди проходят большую жизненную школу, получают множество впечатлений, требующих серьезного и глубокого осмысления.

На важное значение жизненного опыта для идейно-политического воспитания молодежи обращено внимание в партийных документах. «Давно известно: истина прочно усваивается тогда, когда она пережита, а не просто преподана. И комсомол должен строить изучение марксистско-ленинской теории так, чтобы оно органически сливалось с практическими делами комсомольцев, с их собственной жизнью»¹. Такой подход к воспитанию молодежи требует внимательного, вдумчивого отношения к ее жизненному опыту. Ведь если речь идет о «собственной жизни» людей, то при этом конечно же подразумевается и их жизненный опыт; он не существует сам по себе, в отрыве от человеческой жизни, а представляет собой ее концентрированное выражение.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 67.

Теперь рассмотрим подробнее, что же такое жизненный опыт, чем он отличается от других видов опыта и из каких частей состоит.

Структура жизненного опыта

Жизненный опыт представляет собой своеобразный неповторимый синтез, «сплав» всевозможных знаний, впечатлений, чувств и других психических актов и состояний, а также умений и навыков. Он складывается в ходе индивидуальной человеческой жизни и направлен на решение ее проблем.

Среди философских категорий, т. е. наиболее общих понятий, необходимых для обобщения жизненного опыта, особое место занимает понятие времени. Любой опыт существует во времени, приобретается и накапливается с течением времени. Опыт не дается вдруг, в один прием. Существовая во времени, опыт выражает связь между прошедшим, настоящим и будущим в жизни человека. Опыт принадлежит прошлому, поскольку он возникает в ходе предшествующей деятельности. Вместе с тем он имеет значение для человека лишь в том случае, если находится в его распоряжении и может быть использован в настоящее время, для теперешних нужд, а также для будущего. Развертывая свою деятельность во времени, человек осваивает и накапливает всевозможные знания, умения, навыки, необходимые для решения как сегодняшних задач, так и проблем будущего.

В мире нет и не может быть двух абсолютно одинаковых людей. Каждый человек неповторим и чем-то отличается от других. Жизненный опыт каждого также индивидуален и неповторим. В то же время — и в этом проявляется взаимосвязь единичного и общего — перед многими людьми возникают, хотя и в разных формах,

примерно одинаковые задачи: найти свое место в жизни, установить и поддерживать определенные отношения с другими людьми и т. п. Да и способы решения этих задач в какой-то мере повторяются. Поэтому было бы неверно думать, что жизненный опыт представляет собой нечто неопределенное и расплывчатое. Он имеет некоторую структуру (строение). В жизненном опыте можно различить материальное и духовное, субъект и объект, причем они сложным образом связаны между собой.

В самом широком смысле слова субъект (от латинского *subjectus* — находящийся в основе) — это действующее начало, носитель какой-либо деятельности, источник активности. Субъектом может быть и отдельный человек, и группа людей, и даже все человечество. Объект (от латинского *objectus* — предмет) — это то, на что направлена деятельность субъекта. Объектом могут быть и различные предметы и явления, и сам человек.

Субъект жизненного опыта — человеческая личность, определенный, реально существующий и изменяющийся во времени человек, являющийся членом того или иного общества. Объектом жизненного опыта являются всевозможные проблемы жизни, которые предстоит решать. Среди них особое место занимают проблемы отношений с другими людьми. Опыт, пожалуй, больше всего нужен там, где возникают сложные, запутанные ситуации в межличностных отношениях, «уравнения со многими неизвестными», каверзные проблемы, требующие осмотрительного, тонкого подхода. Бесконечное разнообразие человеческих индивидуальностей, интересов, привычек делает общение зачастую очень трудным. Знание людей, понимание их, умение «читать в сердцах», находить с людьми общий язык, устанавливать и поддерживать определенные отношения с ними и другие способности обще-

ния, приобретаемые в ходе индивидуальной жизни, — ценнейшее богатство в сокровищнице жизненного опыта.

Далее, очень важно видеть основную, определяющую сторону жизненного опыта, которая присуща и объекту, и субъекту жизненного опыта. В субъекте — это материальная деятельность (практика), зависимость личности от общественных отношений; в объекте — это предметный, материальный характер множества проблем, решаемых человеком в его жизни (обучение профессии, устройство жилья и т. д.). Данная сторона жизненного опыта свидетельствует о том, что его приобретение и использование являются необходимостью для каждого человека. О чем говорит эта необходимость? Почему жизненный опыт нужен каждому?

Еще в XVIII в. немецкие мыслители И. Кант, И. Г. Гердер, Ф. Шиллер высказали, а впоследствии марксистско-ленинская философия развила на материалистической основе мысль о том, что человек, в отличие от животных, является неспециализированным и одновременно универсальным существом. По сравнению со всеми другими существами человек представляется самым беспомощным и неприспособленным: он не имеет ни специальных органов защиты и нападения, подобных рогам быка или клыкам тигра, ни естественных приспособлений к суровым условиям внешней среды, таких, как мех животных, ни врожденной системы инстинктов, которая определяла бы четко и однозначно его поведение в ходе всей его жизни. Зато человек имеет разум, руки и способность к деятельности, благодаря чему он с лихвой компенсирует биологическую неприспособленность. Он может научиться самым разнообразным действиям, использовать самые различные условия жизни. Люди овладевают всевозможными умениями и навыками, создают и применяют сложней-

шие технические устройства, живут в самых различных природно-климатических зонах и даже осваивают космос.

Отсутствие биологической специализации делает возможной полифункциональность человека, многогранность его деятельности. Самый неприспособленный на первый взгляд, он оказывается в конечном итоге наиболее приспособленным. Иначе говоря, в человеческой жизни существует и разрешается объективное диалектическое противоречие неспециализированности и приспособленности. Оно и является основной причиной формирования жизненного опыта.

В самом деле, человек относится к миру универсально: ему приходится реагировать на самые разнообразные воздействия окружающей действительности, осваивать, изменять и использовать самые различные ее области и свойства. По словам К. Маркса, «животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально...»¹. При этом он приобретает определенные знания, умения, навыки, и ему необходимо не забывать и не утрачивать их сразу же после решения какой-либо задачи, но сохранять и использовать в дальнейшем для решения других задач. В противном случае ему приходилось бы каждый раз начинать все сначала, и это бесконечно затруднило бы его существование. А приобретение и освоение различных знаний, умений, навыков, их использование в интересах настоящего и будущего — все это и составляет жизненный опыт человека.

Неверно, однако, думать, что человеческий опыт — лишь суррогат, лишь частичная замена животного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

инстинкта. Опыт дает то, чего инстинкт не может дать. Если инстинкт обеспечивает лишь биологическое существование животного, то опыт как бы вбирает в себя, впитывает, концентрирует все богатство и разнообразие человеческой жизни — от ее элементарных проявлений до высот творчества и нравственности. Иначе говоря, жизненный опыт не исчерпывается только своей материальной стороной. В нем есть и духовное начало, которое охватывает всевозможные знания, мысли, чувства, эмоции, ощущения и другие состояния человеческой психики, необходимые для решения тех или иных задач.

Если человек не осмысливает и не запоминает того, что было с ним в прошлом, не сравнивает ту задачу, которую должен решать сейчас, с подобными ей задачами, которые он или другие люди решали раньше, не выявляет в них общее, то он просто не сможет приобрести и использовать жизненный опыт.

Духовное начало участвует в созидании жизненного опыта в различных формах. Наиболее явная, заметная форма — это осознанная «духовная переработка» (сравнение, обобщение и т. д.) каких-либо поступков или событий. Человек обдумывает свое или чужое поведение и сознательно делает те или иные выводы. Особенно сильный толчок для таких размышлений дают обычно трудности, ошибки, неудачи, поражения. В таких случаях нередко говорят: «Это послужит для меня хорошим уроком на будущее», «Я запомню это на всю жизнь», «Зарекаюсь так поступать», «Впредь буду умнее» и т. п. Разумеется, духовное начало жизненного опыта не исчерпывается только логическими выводами, а включает в себя также различные чувства и переживания. Духовный фактор жизненного опыта может действовать и неосознанно, т. е. незаметно для сознания человека. Так происходит, например, тогда, когда приобретение жизненного опыта совершается

сравнительно спокойно, без резких сдвигов, вызываемых крупными ошибками и поражениями.

Но и при спокойной жизни, и при бурном ее течении жизненный опыт существует в движении и развитии. И его субъект, и его объект изменяются. Подобно реке, вбирающей в себя притоки и невидимые подземные воды, жизненный опыт наполняется потоками человеческих мыслей и чувств, горестей и радостей, надежд и дел. Уместно привести здесь стихи молодого Маркса:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури в полусне...

Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и стремленье
Полновластен человек¹.

Жизненный и социально-исторический опыт

«Все познается в сравнении» — гласит старый афоризм. Чтобы лучше понять особенности жизненного опыта, следует сопоставить его с опытом социально-историческим, естественнонаучным, профессиональным.

Для нашей темы особенно важен социально-исторический опыт. Он представляет собой синтез всевозможных знаний о человеческом обществе или его частях,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 372, 373.

умений осуществлять общественную, политическую и другую деятельность, навыков решения каких-либо социальных задач. Этот опыт приобретается какой-либо социальной общностью или ее представителями в ходе борьбы за осуществление тех или иных интересов. В классовом обществе он всегда имеет классовый характер, так или иначе отражает положение и борьбу классов и сам является важным фактором этой борьбы. Основоположники марксизма-ленинизма всегда опирались на социально-исторический опыт, творчески осмысливали и обобщали его. Оценивая произведения К. Маркса, В. И. Ленин подчеркивал: «Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт... Учение Маркса... есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»¹.

Какое же значение имеет социально-исторический опыт для опыта жизненного? Мы уже отмечали, что жизненный опыт всегда индивидуален и неповторим. Но это не значит, что он существует в отрыве от развития общества. Важное значение для правильного понимания жизненного опыта имеет известная идея К. Маркса о социальной (общественной) сущности человека². Всякая человеческая деятельность протекает в условиях, созданных обществом, и содержит тот или иной социальный смысл: «...даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью,— отмечал К. Маркс,— деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими,— даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как *человек*»³. Социально-исторический опыт имеет для жизненного опыта при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 29.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 265.

³ Там же, с. 118.

мерно такое же значение, какое имеет общество для человека, живущего в этом обществе.

В самом деле, приобретение и использование жизненного опыта происходит не в «социальном вакууме», но в конкретной обстановке, сложившейся в результате деятельности определенных социальных сил. Субъект жизненного опыта не Робинзон, но человек, живущий в обществе, являющийся членом той или иной социальной группы. (Впрочем, даже Робинзон не смог бы прожить на своем острове без тех знаний, умений и материальных средств, которые он получил от общества.) Жизненный опыт при всей своей самобытности и неповторимости не есть что-то хаотичное: он включает в себя осознание, оценку, обобщение событий индивидуальной жизни, а для этого необходимы соответствующие ориентиры, которые человек и находит в социально-историческом опыте. Эти виды опыта близки друг другу уже потому, что их субъектом является человек, с той лишь разницей, что в жизненном опыте он выступает как личность, а в социально-историческом — как объединение людей (класс, социальная группа и т. д.). Что же касается проблем, для решения которых используются оба вида опыта, то это проблемы человеческой жизни, личной либо общественной.

Находясь в зависимости от социально-исторического опыта как своей основы, жизненный опыт в то же время оказывает на него значительное и постоянное влияние. Классики марксизма-ленинизма учитывали это в своей политической и идеологической деятельности. В. И. Ленин писал: «К политике и партиям применимо — с соответственными изменениями — то, что́ относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 18.

Эта мысль очень важна для нашей темы. Во-первых, здесь затрагивается такая существенная сторона жизненного опыта, как отношение к ошибкам и умение их исправлять. Во-вторых, сопоставляются жизненный и политический (шире говоря, социально-исторический) опыт и обнаруживается их связь. В-третьих, вопросы политики освещаются с позиций жизненного опыта. Этот пункт особенно примечателен. Если классики марксизма-ленинизма считали возможным и нужным разрабатывать принципы и приемы политики, ссылаясь, в частности, на жизненный опыт людей и его уроки, то отсюда видно, какое большое значение они ему придавали. Он может служить хорошим «наглядным пособием» для понимания и усвоения социально-исторического опыта, поскольку более понятен и доходчив для тех, кто не искушен в политике.

Обсуждая вопросы политики, В. И. Ленин часто ссылаясь в своих работах на жизненный опыт. Разоблачая антинародную сущность буржуазного государства, он писал: «Нами управляют... буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот — простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осознают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах...»¹. Говоря о путях строительства социализма в нашей стране, В. И. Ленин опять обращался к жизненному опыту людей. Хорошо зная положение и нужды народных масс, он разъяснял трудящимся необходимость перехода к социализму, преимущества социализма над капитализмом на примерах из их жизненного опыта. Так, он подчеркивал, что трудящиеся должны поддерживать и укреплять Советскую власть, соблю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 258.

дать трудовую дисциплину не только по призыву агитаторов, но и «по указанию своего жизненного опыта»¹.

В известной речи на III съезде комсомола «Задачи союзов молодежи» В. И. Ленин особенно наглядно показал взаимосвязь социально-исторического и жизненного опыта. Советуя комсомольским организациям широко использовать собственный жизненный опыт людей для вовлечения их в строительство нового общества, он говорил: «Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка — книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт... Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Коммунистический союз молодежи»². Социально-политическое значение жизненного опыта выражено здесь очень ярко.

Социально-исторический и жизненный опыт оказывают непосредственное влияние друг на друга и тесно переплетаются. Участвуя в политической жизни, классовой борьбе, революционном движении, человек тем самым обогащает и свой жизненный опыт. Нет такой деятельности, которая не могла бы войти в жизненный опыт, получить в нем отражение и закрепление. С другой стороны, богатый жизненный опыт может оказаться очень полезным в общественно-политической деятельности и способствовать не только правильному пониманию вопросов политики, но и непосредственному участию в их практическом решении. Знание людей, различные умения и навыки, приобретенные в школе

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 385.

² Там же, т. 41, с. 314, 315.

жизненного опыта, могут эффективно использоваться в политической и административной деятельности, в общественной и организаторской работе.

Решая сложные вопросы, стоящие перед нашим обществом, Коммунистическая партия учитывает взаимосвязь социально-исторического опыта и жизненного опыта личности. Об этом свидетельствует то большое значение, которое придается у нас наставничеству, ознакомлению молодежи с героическими делами старшего поколения, с профессиональным и жизненным опытом его лучших представителей.

Отмечая близость и взаимовлияние жизненного и социально-исторического опыта, следует указать и на различия между ними.

1. Социально-исторический опыт массовиден, формируется в деятельности масс, коллективов. Жизненный опыт индивидуален, формируется в личной жизни человека, хотя в то же время — подчеркнем это еще раз — необходимым образом зависит от социально-исторического опыта.

2. Социально-исторический опыт в наиболее общем виде есть опыт всего человечества, а «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...»¹. В отличие от этого, некоторые люди ставят перед собой практически неразрешимые задачи. Так обычно происходит тогда, когда человек располагает узким и ограниченным опытом, плохо знает самого себя и поэтому переоценивает свои силы и способности. Отсюда вовсе не следует, что человечеству легче жить, чем отдельному человеку. Ведь установить, разрешима ли та или иная задача, само по себе является весьма трудной задачей, не говоря уже об ее решении.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.*

3. Поскольку жизненный опыт ограничен пределами и возможностями личной жизни, он менее сохранен и более подвержен непредвиденным случайностям, чем опыт социально-исторический. Последний, как правило, никогда не проходит бесследно; он может быть забыт на какое-то время, но затем — восстановлен и обновлен; его понимание может быть искажено, извращено, но затем — очищено от заблуждений и наслоений. В. И. Ленин в ряде работ показал огромное значение революционного опыта прошлого, который был предан забвению социал-демократами, вставшими на путь примирения с буржуазией.

Жизненный опыт, конечно, тоже можно фиксировать, например, в дневниках или в устной форме, можно передавать его в виде воспоминаний, советов, наставлений, и все-таки он обычно быстрее утрачивается для других людей. Трагический случай, внезапно обрывающий человеческую жизнь, навсегда уносит что-то очень ценное, уже достигнутое и осознанное, но еще никому и нигде не высказанное. Если человек сдержан и немногословен, а окружающие не знают, какую школу жизни он прошел, или же если ему просто некому передать свой опыт, тот может так и остаться неведомым для других. Меньшая «сохранность» жизненного опыта говорит о необходимости внимательно и бережно относиться к нему. Если жизненный опыт человека приобретает долго и с трудом, но может быть легко и быстро утрачен для других людей, то тем более чутко они должны воспринимать и учитывать его.

О ценности жизненного опыта и трудности его передачи, об активной роли самой личности в его приобретении взволнованно сказал поэт Е. Винокуров:

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Горькая отрада —
Познать ее! Начало всех начал —

Жестокий опыт. Нет дороже клада,
Чем знание жизни. Прежде по складам
Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,

сам

он все добудет

снова.

«Жизнь во всей ее широте»

По словам Ф. Энгельса, «личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает...»¹. Эта мысль имеет самое прямое отношение к вопросу о жизненном опыте. В самом деле, жизненный опыт приобретается в процессе человеческой деятельности и складывается из того, что и как человек делает в различных условиях своей жизни. Легко заметить связь жизненного опыта с образом жизни, который в настоящее время привлекает большое внимание философов и социологов. Понятия жизненного опыта и образа жизни близки уже потому, что они отражают человеческую жизнь в ее широте и многообразии, включая поведение людей и на производстве, и в быту, и на досуге. Но есть между ними и различия. Понятие жизненного опыта применимо лишь к отдельной личности, а понятие образа жизни также и к социальным группам, классам, народам и даже к обществу в целом. Иначе говоря, последнее понятие является более широким.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 492.

Образ жизни человека вообще более стабилен и постоянен, чем жизненный опыт. Образ жизни может оставаться в основном неизменным на протяжении многих лет, в то время как жизненный опыт постоянно обогащается, а умение его использовать совершенствуется.

Следует также указать на связь понятия жизненного опыта с проблемой всестороннего и гармонического развития человека, которая рассматривается в настоящее время не только как теоретическая, но и как практическая проблема. Для ее решения необходим целый ряд условий. Остановимся на двух из них.

Человек проявляет себя во всех основных видах деятельности — в труде, общении, познании и т. д. Обозначим это как «поперечный срез» проблемы. Вместе с тем человеку на протяжении всей его сознательной жизни присуще стремление к совершенствованию («продольный срез» проблемы), а это обычно упускается из виду. Но всестороннее и гармоническое развитие человека не может быть приурочено лишь к какому-то определенному возрасту, оно является постоянной жизненной задачей, решаемой, конечно, по-разному на разных этапах личного бытия. Оба эти «срезы» проблемы предполагают наличие жизненного опыта, который приобретается во всех видах деятельности, и притом не сразу, а с течением времени.

Богатый жизненный опыт и «умение жить» — вещи очень сложные, и приобрести их не так-то просто. Поэтому неудивительно, что мы сталкиваемся зачастую с неправильными мнениями о них. Некоторые молодые люди подчас недооценивают, а то и просто отрицают важность жизненного опыта, относятся к нему несерьезно и нередко вообще не делают никаких выводов ни из чужого, ни даже из своего опыта, допуская тем самым большую ошибку.

Бывает и так, что вследствие своего горького опыта, безволия или по другим причинам люди считают трудности жизни непреодолимыми и стремятся избегать их или по крайней мере не встречать их «лицом к лицу». Так, некоторые верующие — это поистине люди «не от мира сего»; они утратили интерес к «земной жизни» и ищут в религии утешения или компенсации за свои неудачи и несчастья. Другие надеются на то, что проблемы их жизни решит за них бог или какая-нибудь другая сверхъестественная сила. В условиях капитализма, где многие люди не могут найти путей выхода из трудностей и кризисных ситуаций, широко распространено «бегство от жизни» в самых различных формах (например, наркомания). Однако, чем больше люди стремятся избежать трудностей, тем более ужасными они кажутся и тем сильнее люди боятся их и страдают от этого.

Особенно вредной и опасной формой извращенного отношения к жизненному опыту является пьянство. Глубоко заблуждаются те, кто видит в нем нечто романтическое, некое проявление мужской доблести и т. п. В действительности же это пагубная склонность и привычка, которая разрушительно действует и на разум, и на волю, и на моральный облик, и на здоровье и приводит в конце концов к деградации личности и гибели человека. Алкоголь приносит иллюзорную, мнимую «радость жизни» и вполне реальные несчастья. Пьяницы чаще всего — люди безвольные, духовно бедные, примитивные, не знающие, куда себя девать в свободное время, не умеющие применять свои силы с пользой для себя и своих близких. Алкоголизм погубил множество людей — эта горькая истина должна служить суровым предостережением для всех, особенно для молодежи. Советский поэт Борис Корнилов, которого можно назвать поэтом молодости и по духу его творчества, и по возрасту (он прожил всего лишь 31 год), писал о пьяницах:

...по заслугам и по делам
нашу жизнь назовут прогулом
с безобразием пополам...

Покачнемся и скажем:

— Что ж это

и к чему же такое все,
неужели исхожено, прожито
понапрасну, ни то ни се?

Некоторые молодые люди считают приобретение жизненного опыта скучным, «серым», прозаическим занятием, неподходящим для одаренных натур. Вслед за поэтами — проповедниками «чистого искусства» они хотели бы удалиться в некую «башню из слоновой кости», которая существует, однако, лишь в их воображении.

Как известно, настоящее искусство равнодушно к делам и заботам людей, не отгораживается от реальной жизни, а отражает ее своими особыми средствами. Это хорошо понимали многие выдающиеся художники. Александр Блок писал:

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*

Вернись в красивые уюты!

Нет! Лучше сгинуть в стуже лютый!

Уюта — нет. Покоя — нет.

С этими словами перекликается высказывание чилийского поэта-коммуниста Пабло Неруды: «Мне выпало страдать и бороться, любить и петь в эпоху переустройства мира, меня ждали победы и поражения, я узнал вкус хлеба и крови. Что еще нужно поэту? Жизнь во всей ее широте, от рыданий до поцелуев, от одиночества до единения с народом, живут в моей поэзии, действуют в ней: я жил для моей поэзии, и поэзия питала мою борьбу». Здесь ярко показано, что жизненный опыт находит свое художественное воспроизведение

и осмысление в искусстве: ведь оно отражает «жизнь во всей ее широте».

Можно привести множество высказываний поэтов, писателей, композиторов, артистов и других деятелей искусства, которые подчеркивали значение жизненного опыта для художественного творчества. Так, советский поэт А. Жигулин писал в автобиографии: «Для поэта очень важна его судьба — его личный жизненный и душевный опыт. В творчестве, особенно поэтическом, его ничем нельзя заменить...»

Далее, нельзя согласиться и с теми, кто понимает овладение «искусством жизни» как превращение человека в робота, в некий бесчувственный автомат, в «машину для достижения целей». Правильно понятое «искусство жизни» не мешает любить, радоваться весенним цветам, играть с ребенком и т. д. Тот же А. Блок, который отверг уход от бурь жизни в «красивые уюты», писал:

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

Вряд ли нужно что-либо добавлять к этим прекрасным стихам.

Но здесь еще не заканчивается разговор о заблуждениях относительно значения жизненного опыта и «искусства жизни».

«Если хочешь быть скотом...»

Вероятно, наиболее распространенное искаженное представление о роли жизненного опыта свойственно безнравственным людям. Вкратце отметим, что нравственность (мораль) является предметом особой науки — этики. Мораль — это совокупность норм (правил), идей, чувств, убеждений, регулирующих поведение человека и опирающихся на общественное мнение и сознание личности. Основные понятия этики: добро и зло, долг, честь, совесть и др.

У безнравственного человека свое понимание жизненного опыта. Стремясь приобретать опыт ловких махинаций, обмана, жульничества, стяжательства и т. п., он упражняется в искусстве обдeldывать свои темные делишки, получать выгоду за счет других людей и общества. При этом он нередко проявляет большую энергию, оперативность, изобретательность и предприимчивость. Требования морали не доходят до него либо отвергаются им — не всегда открыто, во всеуслышание, но на деле. А высоконравственных людей он считает непрактичными, «не умеющими жить», недотепами, неприспособленными и т. п.

Независимо от того, выведен ли безнравственный человек «на чистую воду», подвергнут ли моральному осуждению или до поры до времени прячет свои пороки под маской добродетели, он извращенно относится к жизненному опыту, опoшляет «искусство жизни». Дело в том, что любая человеческая деятельность имеет то или иное моральное значение, подлежит моральному суждению и моральной оценке. Если человек обладает разумом и волей и способен контролировать свои поступки, то он должен нести за них моральную и иную ответственность. Поэтому «искусство жизни» не может находиться вне морали, формироваться «по ту сторону

добра и зла». Оно имеет моральное значение, т. е. является или морально дозволенным (в том числе высоконравственным), или аморальным. «Искусство жизни» носит комплексный, всеобъемлющий характер и поэтому включает в себя, помимо всего прочего, умение сохранять человеческое достоинство, с честью нести высокое звание человека. Безнравственный же человек роняет собственное и оскорбляет чужое достоинство.

«Искусство жизни» есть проявление мудрости, а тот, кто встает на путь аморальных поступков, не мудр, как бы ловко он ни балансировал на этом пути. Истинная, достойная человека мудрость несовместима с безнравственностью, беспринципностью, безыдейностью, нетерпимостью к ним. «Искусство жизни», проникнутое истинной мудростью и гуманностью, не признает эгоистичный индивидуальный успех высшей ценностью, не соглашается с тем, что «для достижения цели все средства хороши», не может быть безразлично, а тем более враждебно к требованиям нашей морали.

Если высоконравственный человек отвергает безнравственные «методы», это не значит, что он непрактичен и не способен овладевать «искусством жизни». Необходимо различать, с одной стороны, «практичность» аморальную, своекорыстную, деляческую, а с другой — разумную, морально обоснованную. Об огромной разнице между ними писал в свое время К. Маркс одному из своих товарищей: «Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение (имеется в виду «Капитал». — П. К.)... Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре.

Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив полностью своей книги...»¹

Как видим, Маркс противопоставлял два совершенно разных и несовместимых вида практичности: «практичность» людей-скотов, заботящихся лишь о своей собственной шкуре, и практичность гуманную, неразрывно связанную с борьбой за осуществление высоконравственных, благородных целей. Решительно осуждая аморальную практичность, он в то же время стремился быть практичным в другом, моральном смысле.

Таким образом, высоконравственный человек может и даже должен быть практичным, обдумывать и использовать жизненный опыт, овладевать «искусством жизни». Он должен делать это, во-первых, для того, чтобы успешнее противостоять безнравственному «деляге», а во-вторых, потому, что мораль — необходимое, обязательное, но еще недостаточное условие овладения «искусством жизни». Круг морально дозволенных поступков очень широк, и из них важно выбирать и совершать те, которые наиболее нужны в данных условиях.

Значение морали для «искусства жизни» хорошо видно на примере искусства общения и отношения к человеку. Умение понимать людей, обдуманно направлять отношения с ними — исключительно важная область человеческой жизни. Но это ценнейшее умение разные люди и представители разных классов общества используют по-разному. Для человека, воспитанного в духе «неписаных законов» буржуазного общества, предписывающих необходимость погони за прибылью, конкуренции и т. п., главное в искусстве общения — это способность завязывать связи с «выгодными» людьми, которых можно использовать для своего обогащения, «мастерство» подкупа и всяческих махинаций. При

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 454.

социализме искусство общения культивируется на принципиально иной основе — на основе подлинного гуманизма, коллективизма, товарищества, дружбы, взаимной требовательности и взаимопомощи между людьми.

Говоря о связи жизненного опыта и «искусства жизни» с моралью, следует иметь в виду сложный характер этой связи. Безнравственный человек, вообще говоря, может иметь большой жизненный опыт. Но наличие опыта еще не означает его положительной оценки. Здесь мы вновь касаемся важного вопроса о ценности опыта. Она и абсолютна и относительна. Ценность всякого опыта абсолютна, поскольку его нельзя заменить никакими теоретическими знаниями и размышлениями (которые необходимы, но недостаточны для познания и практики) или чем-либо еще, а жизненный опыт, кроме того, неповторим и невозпроизводим. Вместе с тем ценность опыта относительна, поскольку, во-первых, он незавершен (его можно лишь прервать, прекратить), во-вторых, его «объем» определяется путем сравнения, сопоставления опыта разных людей, и, в-третьих, при оценке опыта недопустимо отвлекаться от социального, и особенно нравственного, значения той деятельности, в процессе которой он формируется. Могут быть опытные симулянты, опытные браконьеры и т. п., но их опыт, каким бы «богатым» он ни был, ценен лишь с точки зрения их узких эгоистических интересов. Наибольшей ценностью обладает богатый жизненный опыт высоконравственного человека, у которого «искусство жизни» и мораль тесно связаны между собой.

Тень «скупого рыцаря» и чудовище эгоизма

Рассмотрим теперь один из основных вопросов морали, возникающий так или иначе перед каждым человеком в процессе формирования его жизненного опыта, — вопрос об отношении личного и общественного.

На протяжении тысячелетий в обществе господствовала частная собственность: все богатства принадлежали отдельным людям, причем одни имели много, а другие не имели ничего, кроме своих рук, своей рабочей силы, и были вынуждены находиться в зависимости от богатей и своим тяжким трудом умножать их состояния. В этих условиях у многих людей вырабатывалась привычка заботиться только о себе, всячески противопоставлять свое и чужое, причем все общественное тоже считалось «чужим». «Каждый за себя, один бог за всех» — этот и другие подобные ему принципы довольно четко выражают суть отношений между людьми при господстве частной собственности.

Разумеется, человек имеет право заботиться о себе, бороться за свои интересы, устраивать свои личные дела, выяснять личные отношения. Но в обществе, основанном на частной собственности, личное обычно существует в искаженном, извращенном виде. Например, понимание человеком своей неповторимости превращается в индивидуализм (от латинского *individuum* — неделимое, особь) — обособление от общества и других людей, предоставление личному первенства над общественным; забота о себе перерастает в эгоизм (от латинского *ego* — я) — себялюбие, стремление удовлетворять свои потребности за счет других людей, не считаясь с их нуждами; бережливость оборачивается скупостью и жадностью; различие между словом и делом переходит в лицемерие и т. д. Мировая художественная лите-

ратура ярко описывает это вырождение личного в эгоистическое. В трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» богач, который ревниво хранит свои сокровища и не хочет, чтобы после его смерти они достались кому-либо, даже его сыну, восклицает:

О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне!..

Буржуазные философы и писатели обычно изображают человеческие пороки, разросшиеся до невероятных размеров при господстве частной собственности, как неотъемлемые свойства человека, якобы присущие ему везде и всегда. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и многие другие буржуазные мыслители на разные лады рассуждали о том, что человек является и всегда будет алчным, жестоким, беспощадным к другим людям существом. Например, Шопенгауэр утверждал: «Человек — это, в сущности, дикое, ужасающее животное... В каждом гнездится колоссальный эгоизм, который с величайшей легкостью выходит за рамки закона... К безграничному эгоизму нашей природы добавляется в большей или меньшей мере свойственный каждому человеку заряд ненависти, гнева, зависти, желчи и злобы...» Высказываний такого рода у буржуазных авторов прошлого и настоящего довольно много.

Действительно, в мире частной собственности люди воспитываются в духе эгоизма, и неудивительно, что они становятся эгоистами и «дикими животными». Но это не значит, что человек по своей природе зол, жаден, корыстолюбив и не может быть другим. Ведь существовал же на той стадии развития общества, когда частная собственность еще не возникла, обычай делить все иму-

щество поровну. А при социализме, где, хотя еще и бывают нарушения морали и права, известно много замечательных примеров человеческого благородства и бескорыстия, самоотверженного выполнения общественного долга.

Марксистско-ленинская философия отвергает мнение, согласно которому человек по своей природе плох, эгоистичен и изменить его якобы невозможно. Мы уже отмечали, что К. Маркс выдвинул важную идею о социальной (общественной) сущности человека. Эта идея служит сильнейшим теоретическим опровержением индивидуализма и эгоизма. Каждый человек нуждается в обществе, в других людях с момента рождения и в течение всей своей жизни. Мы даже не всегда сознаем в полной мере, как много сделало и делает для нас общество, его учреждения, другие люди (родители, детский сад, школа, друзья и товарищи и т. д.) и чем мы им обязаны. Человек вступает в различные отношения с другими людьми, и вне этих отношений его жизнь не может быть полноценной. Известны случаи, когда по каким-либо причинам некоторые люди оказывались в изоляции от общества и проводили долгие годы в полном одиночестве. Это крайне отрицательно сказывалось на их психике и на всем их поведении. По словам Маркса, человек ощущает «потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой человек*»¹.

Конечно, и в мире частной собственности человек остается социальным существом. В своей погоне за прибылью капиталист не может обойтись без других людей — рабочих, служащих. Но насколько отношения эксплуатации, господства и угнетения отличаются от тех отношений, которые устанавливаются в условиях общественной собственности на средства производства и основаны на равноправии, взаимном уважении и вза-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 125.

имной ответственности. Социальная сущность человека наиболее полно и глубоко раскрывается в равноправных отношениях взаимной помощи, в совместной работе для общего блага.

В настоящее время буржуазные ученые нередко пытаются обосновать мысль о вечности и неустраимости частной собственности, а тем самым и эгоизма путем искаженного толкования некоторых фактов, установленных естественными науками, главным образом биологией. Так, из того факта, что представители многих биологических видов защищают свое гнездо или логовище и прилегающую к нему территорию от других животных, делается вывод, что животные считают защищаемые ими объекты своей собственностью. Это якобы подтверждает, что частная собственность имеет природное происхождение и что человек в данном отношении ничем не отличается от животных: он тоже защищает свою частную собственность от всех, кто ей угрожает, будь то другие люди или общество в целом. На этом основании отмена частной и установление общественной собственности объявляются чем-то противоестественным.

В действительности же собственность — не природное, а социальное, экономическое отношение. У животных есть гнезда, норы и т. п., но нет собственности. Если бы собственность определялась биологическими свойствами человека, то у людей всегда существовала бы одна и та же форма собственности. Ведь биологически человек за время своей истории существенно не изменился. Однако за это же время в человеческом обществе сменилось несколько качественно различных форм собственности (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная и другие). Отсюда следует, что собственность обусловлена не законами природы, а законами развития самого человеческого общества. Поэтому неверно искать источник частной собственности в природе. Со

временем частная собственность становится тормозом для дальнейшего развития общества и должна быть упразднена.

В развитом социалистическом обществе действуют принципы коллективизма, правильного сочетания личного и общественного, доброжелательного отношения и вместе с тем разумной требовательности к человеку. Как записано в Конституции СССР, «это — общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех». За годы Советской власти произошли огромные положительные изменения в духовном мире людей, в их морали, в их отношении к обществу и друг к другу. Однако преодоление индивидуализма и эгоизма — трудный, сложный, длительный процесс. Он связан с улучшением всех сторон жизни советских людей, созданием благоприятных условий для гармоничного развития личности. «При этом необходимо, — отмечалось на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС, — последовательно проводить линию на укрепление социальной справедливости в распределении материальных и духовных благ, усиление воздействия социальных факторов на развитие экономики и повышение ее эффективности... вести самую решительную борьбу со всеми негативными явлениями, чуждыми социалистическому образу жизни, нашей коммунистической морали»¹.

В наше время, когда человек все больше осознает свое «Я», свою самобытность и неповторимость, взаимосвязь личного и общественного приобретает особенно важное значение. Глубокие социальные преобразования, небывалое развитие науки, техники, средств массовой информации пробудили множество людей к ак-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М., 1985, с. 13.

тивной интеллектуальной жизни, вызвали у них живой интерес к познанию окружающего мира и себя самих. Вместе с тем возрастает значение общества, государства, коллектива в жизни личности. Каждому человеку нужен мир, но он может быть сохранен и упрочен лишь благодаря политике мира, настойчиво проводимой Советским государством и другими миролюбивыми странами. Каждый человек имеет свои потребности, но уровень их удовлетворения определяется прежде всего развитием общественного производства. Стремление личности к образованию, знаниям, культуре осуществляется в зависимости от того, как заботится государство о народном образовании, является ли обучение общедоступным, бесплатным и т. д.

Заботясь о благе личности, общество, государство вправе ожидать и требовать от человека определенной «отдачи», общественно полезной деятельности. Находясь в коллективе, участвуя в делах общества, человек тем самым обогащает и свой жизненный опыт.

Опыт жизненный и естественнонаучный

На предыдущих страницах мы сравнивали жизненный и социально-исторический опыт (что и привело нас к вопросам морали). Однако нельзя забывать и о таком важном, особенно в наше время, виде опыта, как естественнонаучный опыт — всевозможные наблюдения и эксперименты¹, проводимые физиками, химиками и другими учеными — естествоиспытателями. Сравнение жизненного опыта с естественнонаучным опытом

¹ *Эксперимент* — воспроизведение какого-либо явления в искусственных (обычно в лабораторных) условиях.

необходимо потому, что оно помогает ясно выразить и понять особенности первого, а также потому, что второй вид опыта наиболее полно и подробно исследован в философии, в том ее разделе, который называется гносеологией (теорией познания).

Каковы же различия естественнонаучного и жизненного опыта?

1. Естественнонаучный опыт, как правило, имеет четкие границы во времени. Ученый обычно записывает в лабораторном журнале, когда он начинает и заканчивает проводимые им наблюдения и эксперименты. Жизненный опыт тоже накапливается во времени, но его «бюджет времени» не поддается точному определению.

Этому, на первый взгляд, противоречит то, что в жизни каждого человека бывают особо значительные, волнующие, памятные события, которые совершаются в определенное время и, разумеется, входят в его жизненный опыт. Таковы, например, приемные и выпускные экзамены, первый день самостоятельной работы, день свадьбы, день установления производственного или спортивного рекорда, день, в который с человеком случилось какое-либо несчастье, и т. д. Обычно мы крепко и надолго запоминаем, когда и как все это происходило. Но подобные события, как бы важны они ни были, представляют собой лишь отдельные стадии и частицы жизненного опыта, и наше поведение в эти памятные дни зависит от нашего предшествующего опыта. А приобретение жизненного опыта обычно начинается незаметно, исподволь. Человек может сказать: «Я начал работать такого-то числа», но, пожалуй, никто не скажет: «Я начал приобретать свой жизненный опыт такого-то числа».

Отсутствие четких временных границ жизненного опыта связано с его принципиальной незавершенностью. Смерть означает его прекращение, но не завершение.

Пока человек живет, мыслит, чувствует, он не может не приумножать свой жизненный опыт.

Сравнение двух видов опыта в отношении времени обнаруживает еще одну интересную вещь. Естественнонаучный опыт может быть и часто является прерывным. Если какие-либо эксперименты оказываются слишком дорогостоящими или не очень нужными в данных условиях, то их обычно можно прервать на некоторое время, а затем возобновить. Что касается жизненного опыта, то он накапливается в течение всей сознательной жизни человека. Правда, вряд ли можно утверждать, что он формируется абсолютно непрерывно на протяжении всей человеческой жизни. Но о перерывах в накоплении жизненного опыта можно говорить лишь весьма условно, если не считать таких особых и крайне редких явлений, как долгий летаргический сон и т. п. Никто не может наложить «вето» на жизненный опыт, запретить кому-либо его приобретение. Конечно, можно лишить человека возможности заниматься определенной деятельностью, но в этом случае он будет приобретать свой жизненный опыт в других видах деятельности и в других непосредственных условиях формирования его опыта. Это говорит о том, что жизненный опыт неотделим от человеческой жизни.

2. Естественнонаучный опыт в значительной мере основан на применении количественных методов и математических операций. Жизненный опыт, вообще говоря, не чужд количеству. Важным его фактором является такой количественный признак, как возраст. Однако, поскольку жизненный опыт воплощает всю сложность и многогранность личной жизни, для его познания необходимы качественные методы: обобщение, аналогия, синтез, объяснение и другие.

3. Для естественнонаучного опыта характерны повторимость и воспроизводимость, превращающие его из единичного события, каким он является вначале, в обще-

употребительное и общепризнанное достояние науки. Жизненный опыт каждого человека в целом неповторим и невоспроизводим. Это вытекает из неповторимости каждой человеческой жизни, концентрированным выражением которой он является. Жизнь невозможно ни повторить, ни начать по-другому сначала; в этом одна из причин ее трудности и вместе с тем ее ценности.

У Аркадия Гайдара есть мудрая сказка «Горячий камень». В ней рассказывается о том, как однажды был найден волшебный камень с надписью: «Кто снесет этот камень на гору и там разобьет его на части, тот вернет свою молодость и начнет жить сначала». Камень перетащили на гору. И что же? «С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым. И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси». Нам дорога наша предшествующая жизнь с ее волнениями, исканиями и надеждами, и отказаться от нее — значит утратить свое лицо, перечеркнуть все сделанное нами до сих пор.

Конечно, некоторая повторяемость есть и в человеческой жизни, и можно многому научиться, изучая и учитывая опыт других людей. Не случайно говорят о необходимости передачи опыта пожилых, бывалых людей молодым. При этом слова «передача опыта» не следует понимать буквально. Передают не сам опыт в целом, а, скорее, его уроки, выводы, знания, содержащиеся в нем. Получить жизненный опыт от кого-либо в готовом виде невозможно. Каждый должен приобретать свой опыт, и единственным путем для этого является сама человеческая жизнь со всеми ее трудностями, заботами, радостями и т. д. Неповторимость и невоспроизводимость жизненного опыта в сочетании с другими его свойствами делают его особенно ценным достоянием личности.

4. В естественнонаучном опыте экспериментатор или наблюдатель обычно может быть заменен другим человеком. Если такой опыт требует длительного времени, а дальнейшее проведение его данным ученым из-за болезни или по другой причине стало невозможным, то опыт более или менее успешно продолжается его коллегой. Лишь в очень редких случаях, например, когда экспериментатор проводит опыт на самом себе, такая замена может оказаться невозможной. В отличие от этого, субъект жизненного опыта никогда и никем не заменим. В жизненном опыте как бы запечатлевается все развитие данной личности, он неразрывно связан с нею, это всегда опыт какого-либо определенного человека. Незаменимость субъекта жизненного опыта подчеркивает ценность человеческой личности.

5. Для естественнонаучного опыта обычно создаются соответствующие условия. Явление, изучаемое экспериментально, протекает в специально подготовленной для него лабораторной обстановке. При наблюдении тоже создаются необходимые условия, правда не для наблюдаемого объекта, а для самого процесса наблюдения (например, обсерватории строятся в местах, наиболее благоприятных для астрономических наблюдений). Для жизненного опыта создание каких-то особых условий необязательно. Конечно, в широком смысле можно сказать, что вся человеческая жизнь протекает в особых условиях — в мире культуры, который является произведением самого человека. Правда, некоторые люди сознательно ставят себя в трудные и непривычные условия, чтобы «все испытать», «проверить себя» и т. п. В разумных пределах это вполне допустимо. Однако и тогда, когда люди используют уже сложившиеся условия, у них все равно накапливается тот или иной жизненный опыт, весомость которого объясняется в значительной мере этой его безыскусст-

венностью, ненаигранностью, связью с объективными условиями человеческого существования.

6. Подобным же образом обстоит дело и в отношении материальных средств, используемых в опыте. В наблюдении и эксперименте широко используются особые материальные средства (приборы, лабораторное оборудование); некоторые из них специально создаются только для целей данного опыта. Жизненный опыт не знает таких особых материальных средств. В широком смысле вся человеческая практика образует арсенал материальных средств жизненного опыта, любое практическое действие является таким средством.

Отсутствие особых материальных средств, неприменимость количественных, математических методов и другие отличия жизненного опыта от естественнонаучного не дают никаких оснований полагать, что приобретение жизненного опыта есть некое второстепенное, несущественное дело. О людях, признающих лишь то, что можно видеть, осязать, измерить, взвесить, Гёте в трагедии «Фауст» писал:

Что осязать нельзя — то далеко для вас,
Что в руки взять нельзя — того для вас и нет,
С чем несогласны вы — то ложь одна и бред,
Что вы не взвесили — за вздор считать должны,
Что не чеканили — в том будто нет цены.

7. Значительная разница между естественнонаучным и жизненным опытом наблюдается и в отношении их эмоциональной стороны. Конечно, ученый, ставя свои опыты, обычно испытывает те или иные эмоции и чувства, которые могут влиять, иногда очень сильно, на его действия, а через них и на результаты опытов. Однако научное значение опыта, вообще говоря, не находится в прямой зависимости от того, какие эмоции

и чувства переживал исследователь во время его проведения.

Иначе обстоит дело с жизненным опытом. Эмоции и чувства, испытываемые человеком, решающим те или иные задачи своей жизни, непосредственно входят в его жизненный опыт, образуют его неотъемлемую часть. Это особенно ярко обнаруживается тогда, когда речь идет о глубоких, сильных чувствах. Переживания большого горя или большой радости потрясают все существо человека, оставляют в нем неизгладимый след, оказывают влияние на всю его последующую жизнь, а стало быть, включаются в его жизненный опыт. Напомним слова Владимира Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Я счастлив.
Звонящего марша вода
относит
 тело мое невесомое.
Я знаю —
 отныне
 и навсегда
во мне
 минута
 эта вот самая.

Да, бывают минуты, которые накладывают свой отпечаток на долгие годы.

Таковы некоторые различия естественнонаучного и жизненного опыта. Они свидетельствуют о том, что жизненный опыт есть особый, своеобразный вид опыта и его познание представляет собой весьма сложную задачу. Поэтому неудивительно, что о жизненном опыте идут споры между философами и различными философскими течениями. О некоторых из этих споров мы расскажем в следующем разделе.

Немногое из многих споров

Развитие философии происходит в борьбе двух основных противоположных направлений: материализма и идеализма. Если материализм обычно выступает в союзе с наукой, то идеализм близок к религии и часто смыкается с ней. Вместе с тем идеализм пытается истолковать науку по-своему, подчинить ее религиозно-идеалистическому мировоззрению. Таким же образом относятся идеалисты и к опыту.

Для всякого непредубежденного, здравомыслящего человека опыт служит неиссякаемым источником материалистических взглядов. Опыт убеждает в том, что вне нас действительно существуют другие люди, что природа существует до нас и независимо от нас, независимо от всякого сознания. Эту важную мировоззренческую и познавательную функцию выполняет прежде всего и главным образом жизненный опыт: ведь не все люди занимаются естественнонаучными экспериментами, а жизненный опыт приобретают все.

Но идеализм не хочет отдавать опыт во «владение» материализму. Опыт высоко ценится, особенно в наше время, и поэтому идеалистическая и религиозная философия включает это понятие в свой теоретический арсенал. Идеалисты пытаются опираться на опыт, применяя понятие опыта для обоснования идеализма. При этом они стремятся использовать в своих целях активность духовной стороны опыта, всячески преувеличивая, раздувая ее. Приемы идеалистического толкования опыта были подвергнуты резкой критике В. И. Лениным в его основном философском произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Эта критика целиком и полностью относится и к современному идеализму.

Вместе с тем современный идеализм имеет и некоторые особенности. В нем еще сильнее выражены

иррационализм, т. е. точка зрения, согласно которой весь мир и сам человек представляют собой нечто неразумное, хаотичное, беспорядочное, бессмысленное, и агностицизм, т. е. отрицание познаваемости мира. Современные идеалисты проявляют обостренный интерес к человеку, к философскому исследованию человеческой жизни. Влиятельным течением современной буржуазной философии является философская антропология, которая стремится дать самое широкое, всеобъемлющее понимание человека с позиций идеализма. Представители этого течения довольно часто обращаются к понятию жизненного опыта, пытаясь заставить его «работать» на идеализм, иррационализм, агностицизм.

Для этого они истолковывают на свой лад особенности жизненного опыта, отличающие его от естественного. Приведем лишь один пример. В философской антропологии и близких к ней течениях буржуазной философии широко распространена идея непознаваемости и неопределимости человека, мысль о том, что человек — это некое темное, неуловимое, непостижимое существо. В попытках обоснования этой идеи буржуазные мыслители обращаются, в частности, к жизненному опыту. В статье с характерным названием «Человек — безответный вопрос» видный западногерманский теолог К. Ранер утверждает: на вопрос «Что такое человек?» нет ответа, иначе говоря, человек непознаваем и неопределим. Конечно, продолжает он, каждый из нас в течение своей жизни приобретает некоторый опыт и таким путем узнает кое-что о себе. Но сразу же вслед за этим он пытается доказать, что жизненный опыт дает очень мало или даже не дает ничего для познания и самопознания человека.

«Как обстоит дело с собственным опытом? — пишет Ранер. — Опыт приобретают и опять забывают. Разве это не так? Опыт должен быть уроком из прошлого на будущее. Но прежние ситуации, в которых он возник,

не повторяются... Что же мы знаем о себе на основе своего предшествующего опыта?» Если человек систематизирует и оценивает свой опыт, продолжает Ранер, эта оценка может оказаться субъективной, произвольной, не дающей ясного и надежного знания. «Заметьте: каждый приобретает *свой* опыт и только его. Но, тем не менее, из своего опыта хотят узнать о себе нечто «объективное». Собственный опыт, добавляет Ранер, всегда ограничен, всегда означает отказ от другого опыта, который тоже можно было бы приобрести. Опыт дает ответы на отдельные вопросы, но не дает ответа на главный вопрос — вопрос о человеке как едином и целостном существе.

Как видим, буржуазный мыслитель весьма немилостиво обходится с понятием жизненного опыта. Признавая, что каждый человек накапливает некоторый опыт и черпает из него ответы на отдельные вопросы, возникающие в повседневной жизни, Ранер в то же время отрицает значение опыта для глубокого познания и самопознания человека, для выяснения коренных проблем его бытия. Непостижимость человека вытекает для теолога Ранера из непостижимости бога. Ведь человек, согласно христианству, есть образ и подобие бога.

Но все эти рассуждения буржуазного мыслителя не достигают цели, не доказывают познавательную бесполезность жизненного опыта. Конечно, с течением времени каждый человек кое-что забывает из прошлого опыта, но не утрачивает его целиком. Физиологическое и психологическое изучение памяти показывает, что все воспринятое, пережитое, выстраданное оставляет в ней свои «следы», сохраняется в ней, подчас даже незаметно для нашего сознания, и вновь вспоминается, например, тогда, когда перед человеком возникают задачи, сходные с решавшимися ранее. Прочность запоминания зависит от степени важности того или иного

события для человека. Важное, значительное обычно запоминается лучше, чем несущественное. Мы уже отмечали, что есть вещи, которые не забываются. Но и забывание в некоторых пределах полезно. Подобно тому, как мы стираем написанное с классной доски, чтобы можно было писать на ней другие слова, так и «стирание» старых впечатлений в памяти дает место в ней для новых. Поэтому память оказывается готовой к приему свежих фактов, открытой для их притока, без чего дальнейшее приобретение жизненного опыта было бы невозможно. Таким образом, аргумент Ранера о забывании опыта несостоятелен.

Ранер использует старую и в общем-то верную мысль о том, что прежние ситуации, в которых возник тот или иной опыт, не повторяются. Однако эту мысль не следует абсолютизировать и понимать односторонне. Здесь следует добавить: прежние ситуации не повторяются в точности, не повторяются целиком и полностью, но некоторая повторяемость, некоторое сходство присущи как событиям одной и той же человеческой жизни, так и бытию разных людей. Иначе мы не могли бы понять ни одной биографии. Неповторимость человеческой жизни не делает прошлый опыт неприменимым к сегодняшним задачам, но говорит лишь о том, что применять его надо не механически, а обдуманно, с учетом конкретных особенностей настоящего.

Ранер ссылается также на то, что оценка собственного или чужого опыта может оказаться субъективной, произвольной. Действительно, так иногда бывает, но из этого еще не следует, что опыт лишен ценности и что его не надо оценивать. Чем более научным является мировоззрение человека, чем выше его моральный уровень, чем вдумчивее и серьезнее он воспринимает уроки опыта, тем правильнее и объективнее оценка им этого опыта.

Далее, из верной мысли о том, что «каждый приобретает *свой* опыт», Ранер делает неверный вывод, сог-

ласно которому из своего опыта нельзя узнать о себе ничего объективного. Приобретать свой опыт — это вовсе не значит «вариться в собственном соку». Благодаря своему опыту человек удостоверяется в объективном существовании внешнего мира. Собственный горький опыт нередко побуждает человека преодолевать иллюзии относительно своей особы, придирчиво «смотреть на себя со стороны», как бы глазами других людей, стараться понять, «каков я на самом деле».

Верно и то, что собственный опыт «всегда ограничен» и достигается ценой отказа от другого опыта, который можно было бы приобрести вместо него. Но такое ограничение означает лишь наличие закономерных границ и условий опыта, а отнюдь не какую-либо, например умственную, ограниченность, неполноценность, недоразвитость. Ведь любой опыт всегда происходит в каких-то определенных условиях. Что касается жизненного опыта, то он «всегда ограничен» сроками человеческой жизни, но эти же сроки можно разумно и плодотворно использовать для его приобретения. Накапливая определенный опыт, мы конечно же тем самым лишаемся другого опыта, который можно было бы приобрести в это время, но это лишь подчеркивает необходимость учитывать и использовать опыт других людей.

Таким образом, попытка буржуазного мыслителя принизить значение жизненного опыта не выдерживает критики. Жизненный опыт, осмысливаемый в связи с общественно-историческим опытом, дает нам глубокое знание о человеке. Подобно тому как естествознание невозможно без естественнонаучного опыта, познание человека невозможно без жизненного опыта. Благодаря ему мы много узнаем и о себе, и о других людях. Как гласит пословица, опыт — лучший учитель.

II. Молодость: надежды и тревоги

Говоря о жизненном опыте, нельзя отвлекаться от возрастных особенностей человека. Возраст и предшествующий опыт серьезно влияют на его поведение. Каждый возраст имеет свои «плюсы» и «минусы», свои преимущества, свои трудности и опасности. Мы уже говорили о том, что не следует понимать молодость лишь как время беззаботных развлечений, безоблачных мечтаний и т. п., что и этот прекрасный период жизни таит в себе большие трудности. Рассмотрим подробнее некоторые из этих трудностей и вытекающие из них задачи, с которыми сталкиваются — и порой очень болезненно — многие молодые люди на своем жизненном пути.

«Пройди опасные года»

Кому не известны огорчение, досада, разочарование, стыд и другие неприятные чувства, возникающие при неудачных попытках овладения каким-либо мастерством? Для нас здесь не важно, что это за мастерство — работа на станке, управление машиной, игра на музыкальном инструменте, спортивное упражнение или еще что-нибудь. Мы обсуждаем само отношение человека к процессу овладения мастерством. Это отношение редко бывает спокойным и ровным. Случается, что человек старается изо всех сил, но у него ничего не получается. Порой он доходит до отчаяния или до полной апатии. Иногда человек действительно берется не за свое дело, и если он в этом убедился, то ему лучше найти более подходящее занятие.

Но часто бывает так, что человек все-таки может овладеть желанным мастерством, если только проявит настойчивость и будет продолжать свои упражнения. Такая ситуация сравнима с положением альпиниста, которому осталось сделать еще немного шагов до вершины. Как ни трудны эти шаги, они вскоре будут вознаграждены радостью победы. Если человек, невзирая на трудности, упорно стремится к вершинам мастерства, то период неизбежных огорчений и даже отчаяния рано или поздно остается позади. Скованность и неуверенность исчезают, действия становятся все более четкими, легкими, слаженными, доставляют физическое и духовное удовлетворение. Появляется чувство свободы, окрыленности, вольной игры сил. Конечно, на любой ступени мастерства бывают свои трудности, и все-таки настойчивость так или иначе вознаграждается.

Нечто подобное происходит и в процессе овладения «искусством жизни». В начале своего жизненного пути люди — одни раньше, другие позже — сталкиваются со множеством трудностей и проблем. В это время не-

которые еще плохо знают и окружающий мир, и себя самих. Молодости свойственна бурная фантазия, которая легко рисует яркие картины блестящих побед и успехов. Вообще говоря, фантазия (воображение) — очень ценная способность человеческого сознания. Вместе с тем она таит в себе опасность чрезмерного разрыва с действительностью, утраты чувства реальности, ухода в призрачный мир беспочвенных и бесплодных мечтаний. Если мы еще не знаем, как сложно осуществить большую мечту, то нередко считаем ее легко выполнимой или даже принимаем желаемое за действительное. Так, человек, впервые попавший в горы и не знающий, что в прозрачном горном воздухе удаленные предметы кажутся близкими, думает, что он может быстро достичь горной вершины, хотя на самом деле путь до нее долг и труден. Нечто подобное бывает и с нашими жизненными планами.

Если молодого человека постигает неудача в осуществлении его планов, то он тяжело, и болезненно переживает ее и подчас резко переходит от восторженных надежд к горьким разочарованиям. Тогда он способен начать видеть все в мрачном свете и весь мир может показаться ему чуждым, неприглядным, неприветливым, неприятным. В таком состоянии некоторые молодые люди «катятся вниз» по пути пьянства, нелепых выходок и, наконец, преступлений. Поэтому очень важно продумать и решить вопрос о том, как следует относиться к пессимизму молодости. Впрочем, не дико ли такое сочетание слов? Может ли молодой человек быть пессимистом? Да, может, и это давно замечено.

Выдающийся русский биолог И. И. Мечников еще в начале нашего века написал интересное произведение «Этюды оптимизма», где он, в частности, говорит о том, что некоторые известные ученые, писатели, поэты, философы в молодости были пессимистами и лишь позже

стали оптимистами. Он пишет и о своем друге, который проделал такую же эволюцию. Предполагают, что Мечников рассказывает здесь историю своей собственной жизни. По всей вероятности, так оно и есть: уж очень подробно она изложена и совпадает с некоторыми фактами его биографии.

Вот что пишет ученый о своем друге или о себе самом. «Он стремился поскорее достигнуть цели, и встречаемые по дороге препятствия сильно склоняли его к пессимизму». Дальше — больше, и молодой человек стал убежденным пессимистом. «Малейшее оскорбление самолюбия, колкость со стороны товарища — все это повергало нашего пессимиста в самое тягостное настроение». Обстоятельства личной жизни еще больше усилили его пессимизм. Однако постепенно в нем пробуждалась любовь к жизни, и он вновь принялся за работу. Но его взгляды на мир оставались пессимистическими. В спорах с близкими ему людьми он «продолжал с увлечением отстаивать пессимистические теории. Однако изредка в него стало прокрадываться сомнение в искренности его доводов». Наблюдая за собой, он заметил изменения в своих чувствах и восприятиях. Теперь ему стали доставлять огромное удовольствие самые простые вещи, на которые он раньше не обращал никакого или почти никакого внимания. Если в молодости он «обожал музыку», то теперь он ощущал «блаженство», внимая тишине. Самые простые явления, например распускающиеся весной листья, лепет или улыбка малого ребенка, вызывали у него глубокую радость.

«Как объяснить эти перемены, потребовавшие столько лет для своего осуществления? Развитием чувства жизни, думаю я, — пишет Мечников. — В молодости инстинкт этот слабо выражен. ...Подобно тому, как ребенок плачет при рождении, точно так же и в жизненных впечатлениях в продолжение долгого периода стра-

дания воспринимаются сильнее наслаждений, особенно при усиленной чувствительности. Но чувства и ощущения могут изменяться...» Так этот человек от пессимизма постепенно перешел к прочному и глубокому оптимизму. «...Для того, чтобы понять смысл жизни,— говорил он,— надо долго прожить; без этого находишься в положении слепорожденного, которому воспевают красоту красок!». «...Смысл и цель жизни познаются не в ранней молодости, а в более позднем возрасте». Но все-таки переход к оптимизму не обязательно должен быть всегда таким длительным, как в данном случае. Он может быть намного ускорен и облегчен как благоприятными социальными условиями, так и настойчивым самовоспитанием.

Мечников считал, что желания и стремления человека «развиваются гораздо ранее воли... Ребенок стремится взять все, что видит перед собою; он тянется к луне и чувствует себя несчастным от бессилия удовлетворить свое желание. Не менее сильна эта дисгармония у молодых людей. Они формулируют свои требования от жизни рано, когда еще неспособны судить о реальном соотношении явлений; они не понимают, что силы их далеко не достаточны для осуществления их стремлений, так как воля есть одна из наиболее поздно развивающихся способностей человека». Может быть, кое-что здесь преувеличено, а что-то сказано неточно: ведь физические силы наиболее велики в молодости; однако Мечников пишет не только о физических, но и о духовных силах — о силе воли, о самообладании и т. п., и доля истины в его рассуждениях есть. Лишь с течением времени человек глубоко ощущает и осознает радость жизни, как бы распознает «вкус жизни».

В художественной форме эту же мысль выразил А. Блок:

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.

Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду...

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь...

Думается, что чудом поэт называет здесь жизне-
радостное мироощущение, переход к которому кажется
невозможным во времена жестоких испытаний и огор-
чений (но затем этот переход все-таки совершается и
воспринимается как чудо). «Выйдя целым» из опас-
ностей и трудностей, более или менее успешно преодо-
лев их, познав на опыте и себя, и окружающий мир, че-
ловек чувствует свою общность с другими людьми, он
уже не хочет «забыться в свою скорлупу» («и все уж не
мое, а наше»), ибо чувствует свою причастность к миру,
который теперь не кажется ему чуждым и враждебным
(«и с миром утвердилась связь»).

Приведенные нами высказывания ученого и поэта
могут быть очень полезны некоторым молодым людям.
Если на вашем пути одно за другим встают препятствия,
если вас одолевают разные «проклятые вопросы», на
которые вы пока не находите ответов, то не делайте
отсюда мрачных выводов. Не теряйте веры в людей и в
добро, гоните прочь тоску и печаль, упорно трудитесь
над решением задач, которые ставит перед вами жизнь.
Ваш труд не пройдет впустую и даст свои результаты.
С течением времени сумятица ваших мыслей и настрое-
ний уляжется, и вы почувствуете себя в жизни более
уверенно и прочно. «Дорогу осилит идущий».

О смысле жизни

Говоря о пессимизме молодости, мы уже коснулись
вопроса о смысле жизни. Этот вопрос очень важен для
молодых людей: если они не находят ответа на него, то

не видят перспективы в своих делах, чувствуют себя неуверенно и даже тревожно, а при неверном или примитивном ответе лишаются правильной ориентации в жизни и могут наделать массу ошибок.

Смысл жизни настойчиво и страстно искали многие выдающиеся философы, художники, ученые и просто думающие люди. Их поиски приводили не только к находкам, но и к затяжным спорам, а порой и к заблуждениям. Чтобы не пополнять список заблуждений и недоразумений, следует четко определить, чья жизнь здесь имеется в виду и что такое смысл.

Говоря о смысле жизни, мы будем подразумевать только человеческую жизнь. В противном случае мы рискуем впасть в рассуждения вроде следующего: «...кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками...»¹ — рассуждения, которые остро высмеял Энгельс.

Термин «смысл» имеет два основных значения: 1) сущность или природа чего-либо (например, выяснить физический смысл математической формулы — значит установить, какие объективные физические процессы в ней отражаются); 2) ценность какого-либо явления для человека (например, выражение «эта работа имеет смысл» означает, что эта работа нужна, полезна и ее стоит продолжать). В этом втором значении смысл существует лишь для того, кто способен мыслить. Не случайно слова «смысл» и «мыслить» имеют общий корень.

Исходя из этого, мы отвергаем все попытки искать смысл жизни не в самой жизни, а где-то вне ее, в сверхъестественном, потустороннем мире, как это делают религия и некоторые течения идеалистической философии. Излагая религиозное понимание смысла жизни, современный западногерманский теолог, ярый

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 350.

враг марксизма-ленинизма В. Бинерт пишет: «Ничто не имеет смысла в себе самом». Это утверждение создает видимость доказательства религиозной идеи, согласно которой смысл жизни человека состоит не в ней самой, а в его обращении к богу. Бинерт так и заявляет: «...обращая свои взоры к богу, все люди могут найти смысл своей жизни...» Такой подход к этому вопросу вводит людей в заблуждение, отвлекает их от реальной жизни в призрачный мир вымыслов. В противоположность религиозно-идеалистическим взглядам следует четко сказать: смысл человеческой жизни надо искать в ней самой, а не за ее пределами.

«Как?! — может мысленно воскликнуть читатель. — Значит, смысл жизни — в самой жизни? Неужели все обстоит так просто? Что же тогда нужно искать? Ведь пока человек жив, его жизнь всегда при нем (или он при ней). Почему же вопрос о смысле жизни считается трудным и сложным?». Как уже отмечалось, речь идет не о всякой, но только о человеческой жизни, а она отличается от жизни других живых существ своей сложностью, своеобразием, отсутствием жесткой и однозначной «схемы» поведения и другими особенностями. Человек постоянно должен обдумывать, направлять, устраивать свою жизнь. Поэтому слова «смысл жизни — в ней самой» не означают, что человек всегда имеет этот смысл при себе в готовом и законченном виде.

Мы не разделяем и мнения о том, что смысл жизни заранее кем-то или чем-то (например, природой) твердо установлен и определен независимо от человека и ему ничего другого не остается, кроме выполнения этого наказа или задания, нежданно-негаданно свалившегося на его плечи. Идея о том, что смысл жизни заранее четко установлен и надо лишь понять и осуществить его, была бы верна только в том случае, если бы человек получал от природы готовую подробную схему всего своего поведения. Отсутствие такой схемы, исключи-

тельная пластичность, способность к изменениям, свойственная человеку,— все это делает вопрос о смысле жизни особенно трудным. Не только ответы на него, но и взгляды на само его содержание различны у разных людей: для одних вопрос о смысле жизни сводится к вопросу об отношении личности и общества, для других — к вопросу о человеческом творчестве, для третьих — к вопросу о благах и радостях общения и т. д. Эти взгляды верны лишь в той мере, в какой они отражают какую-либо сторону многогранной, комплексной проблемы, но они нуждаются в обобщении и развитии.

Вернемся к термину «смысл», к двум его значениям (сущность или природа; ценность). Для развернутого ответа на вопрос о смысле жизни необходимо иметь в виду оба эти значения. Иначе говоря, мы тем полнее и глубже познаем и реализуем смысл жизни, чем теснее его сущность и природа связаны с его ценностью, чем больше они соответствуют друг другу. Марксистско-ленинская философия утверждает, что человек представляет собой наибольшую ценность: человек — превыше всего, это самое важное, что существует на свете, причем он может нормально существовать и развиваться лишь в обществе (дети, выросшие среди животных, не умели вести себя по-человечески и не становились полноценными людьми). Природа человека имеет биосоциальный характер. Биологическое и социальное (общественное) в человеке сложным образом связаны друг с другом при ведущей роли социального.

Смысл жизни осуществляется тем полнее, чем больше данные общественные отношения обеспечивают высшую ценность человека, чем благоприятнее условия для его всестороннего развития и чем активнее он сам использует эти условия. Если общество устроено так, что одни люди выступают в качестве хищников, а другие — их жертв, одни эксплуатируют других, а те гнут на них спину, то смысл жизни людей подвергается

всяческим ограничениям и искажениям. И не случайно герои великих революций и справедливых, освободительных войн видели смысл своей жизни в борьбе против социального зла, в утверждении и защите справедливого общественного строя.

Если для глубокого понимания смысла жизни следует сочетать понятия сущности и ценности, то это не значит, что речь идет об их механическом суммировании. Дело здесь не только и не столько в логической связи понятий сущности и ценности, сколько в реальном общественном развитии, в котором происходит борьба за наиболее полное и яркое выражение сущности человека, за признание и обеспечение его высшей ценности.

Далее, поскольку природа человека биосоциальна, воплощение смысла жизни включает в себя и оптимальное соотношение социального и биологического в его бытии и сознании. Здесь мы должны вернуться к идее о том, что смысл жизни заключен в ней самой, а не за ее пределами. Любовь к жизни, желание жить, радость от сознания того, что мы живем, и другие простые радости, которые доставляет нам жизнь, убедительно говорят о том, что жить на свете стоит, что жизнь имеет смысл. Жизнелюбие, стремление оберегать и защищать жизнь — это прекрасное качество, которое лучше всего воспитывается у человека в благоприятных социальных условиях, в атмосфере гуманности, доброжелательности, взаимопомощи в человеческих отношениях.

Вопрос о ценности жизни получил отражение в партийных документах, в частности в материалах XXVI съезда КПСС, где отмечено, что первейшее право каждого человека — это право на жизнь. Это положение, имеющее серьезное политическое и философское значение, опирается на длительную и прочную традицию мировой культуры. Из века в век многие выдающиеся философы, писатели, поэты, ученые высоко оценивали

привязанность к жизни. Знаменитый философ Спиноза утверждал: «...*мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни*». Известный немецкий поэт Гельдерлин писал: «Кто мыслит глубоко, тот крепко любит жизнь». Дух жизнелюбия свойствен классической русской и советской литературе. Пушкин, Толстой, Достоевский, Некрасов, Блок, Маяковский, Николай Островский и другие вдохновенно воспевали жизнь. Так, Достоевский устами одного из своих героев восхвалял «исступленную жажду жизни», призывал «прежде всего на свете жизнь полюбить». Проникновенно и страстно звучат слова Маяковского (из стихотворения «Юбилейное»): «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!»

Поэтические гимны жизни согласуются с идеями современной науки, которая показывает, что жизнь могла возникнуть лишь в особых, исключительных условиях, что она развивалась и совершенствовалась на протяжении многих миллионов лет, что это — изумительное явление природы, противостоящее мощным тенденциям хаоса, беспорядка, дезорганизованности. Уже поэтому жизнь имеет огромную ценность. Тем более это относится к человеческой жизни. Размышляя о ней с позиций современного естествознания, основоположник кибернетики Н. Винер писал: «Никакое поражение не может лишить нас успеха, заключающегося в том, что в течение определенного времени мы пребывали в этом мире...»

Конечно, при всей ценности жизни мы не можем удовлетвориться одним лишь фактом своего существования. Сохранение и продолжение нашего бытия для нас необходимо, но еще недостаточно. Тот факт, что смысл жизни заключен в ней самой, еще не означает, что любое ее событие и проявление полно смысла. Как известно, в жизни бывает и бессмысленное, нелепое, трагичное. Человеку, как правило, свойственно стремле-

ние не прозябать, не влачить существование, а жить полноценно, ярко, интересно. Он жаждет осуществить свои цели, мечты, идеалы или хотя бы приблизиться к их осуществлению. Вспомним стихи Блока:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Таким образом, смысл жизни заключен в самой жизни, но он не исчерпывается обеспечением существования человеческого организма. Здесь обнаруживается интересная диалектика: смысл жизни состоит в жизни и в то же время подразумевает нечто большее, чем «просто жизнь». Человек должен наполнить свою жизнь важным, значительным содержанием, должен, не теряя чувства реальности, хотя бы иногда возвышаться над повседневностью, над нуждами сегодняшнего дня, должен быть, говоря словами М. Горького, «выше сытости». Старый афоризм гласит: «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить». К. Маркс в одной из своих ранних работ страстно возражал против того, чтобы человек превращал свою жизнедеятельность «только лишь в средство для поддержания своего *существования*»¹.

Непонимание диалектики смысла жизни чревато тяжкими заблуждениями и даже пороками. Тот, кто преувеличивает способность человека возвышаться над повседневностью, рискует попасть в сети религиозно-идеалистических теорий (о чем мы уже говорили в начале этого раздела). Тот, кто видит смысл жизни лишь в телесном существовании, легко приходит к пошлым,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

грубым, поверхностным взглядам, оказывается рабом своего желудка, своих инстинктов, своих вещей. Обе эти крайности несостоятельны и вредны.

Человек, испытавший на своем опыте и трудности, и радости бытия, знает, что жизнь имеет смысл и тогда, когда ее путь не усыпан розами. Если человек видит и чувствует, что его жизнь не проходит впустую, что он живет с пользой для общества, для других людей и для себя самого, то он способен выдерживать невзгоды и преодолевать препятствия, не теряя своих лучших душевных качеств.

Среди поколений, возвращенных Советской властью и Коммунистической партией, много замечательных людей, вся биография которых говорит о том, что жизнь человека может иметь смысл даже при самых тяжелых испытаниях и лишениях. Здесь надо назвать прежде всего незабываемого героя комсомола Николая Островского, имя которого стало символом утверждения смысла жизни. Хорошо известен и достоин восхищения подвиг А. П. Маресьева. Только люди, воспитанные в духе высоких общественных принципов, живущие делами своей страны и своего народа, не отгораживающие себя от общества, коллектива и других людей, могут проявлять такую стойкость и силу воли и придавать своей жизни реальный смысл даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств. Таких людей в нашей стране много, и их жизнь, при всех ее трудностях, имеет глубокий смысл. Всей своей жизнью они как бы говорят каждому из нас: если твоя работа нужна Родине, обществу, людям, то твоя жизнь не лишена смысла. Он состоит не только в достижении целей, в осуществлении замыслов и мечтаний, но и в самой деятельности, приносящей человеку моральное удовлетворение.

Следовательно, смысл жизни состоит в том, чтобы жить по-человечески, жить достойно, интересно, чувствовать себя полноправным членом общества и полу-

чать от него признание полезности своей деятельности. Поскольку потребности людей и виды их деятельности весьма многообразны, то каждый человек в какой-то мере заново решает для себя вопрос о смысле жизни. Один убежден, что для него самое главное — участие в материальном производстве, другой считает, что его жизнь не будет иметь смысла без научных исследований, третий не представляет себе своей жизни без работы на земле, в поле, четвертый — без художественного творчества и т. д. И все они могут быть правы, если это является и их любимым делом и если оно требуется обществу.

В заключение заметим, что для глубокого понимания и воплощения смысла жизни необходимы не только размышления, но и практическая деятельность. В поисках, в борьбе, в труде человек постигает смысл жизни.

Открытое письмо нетерпеливым

Значительная доля трудностей молодого возраста объясняется нетерпеливостью, несдержанностью, горячностью, столь часто присущими людям в этом возрасте. «...Юности свойственно думать, что все должно быть создано в один день», — замечал Гёте. Этот же мотив звучит и у современного поэта (в стихотворении Е. Винокурова «Мы были молодыми»):

Только бы за разъяву
Не приняли нас! Осерчась,
Мы хотели бы славу.
Да нет же, не завтра. Сейчас!

Героиня повести Александра Грина «Алые паруса» девушка Ассоль не может ждать, пока корабль, о котором она так мечтала, причалит к берегу. «Не помня, как

оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она оставилась почти без сил; ее ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске... Смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи, — она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича: «Я здесь, я здесь! Это я!».

Подобных примеров можно привести много.

Дело осложняется тем, что нетерпеливость играет в жизни молодых людей неоднозначную роль: и положительную, и отрицательную. Нетерпеливость побуждает их «уплотнять» свое время, развивать свои силы и способности в наиболее подходящий для этого период, «ковать железо, пока горячо». И она же, особенно если молодой человек целиком и полностью оказывается под ее властью, толкает его на поспешные, необдуманные, опрометчивые поступки, заставляет делать неправимые ошибки. Горькая обида как реакция на непризнание мнимого или действительного, но еще не успевшего развиться таланта, прекращение учебы раньше срока, приобретение вредных привычек (таких, как курение и т. п.) в результате желания поскорее «стать взрослым» — таков далеко не полный перечень отрицательных последствий нетерпеливости.

Пожалуй, особенно часто и болезненно сказываются такие последствия на половой жизни молодежи. Острая потребность в любви, чрезмерное любопытство, стремление «поскорее самим испытать все», доверчивость, неосторожность, неумение контролировать себя и другие особенности некоторых молодых людей нередко приводят к тяжким ошибкам в решении вопросов пола. Слишком ранние браки, когда супруги, по существу, еще не готовы к семейной жизни, и другие опрометчивые поступки нередко наносят большой вред физическому

и нравственному здоровью, оставляют горький осадок в душе на долгие годы.

Оценка роли терпеливости и нетерпеливости осложняется еще тем, что в разных социально-исторических условиях они играют разную роль. Господствующие классы эксплуататорского общества, используя религию и другие средства духовного порабощения, внушают трудящимся массам необходимость смирения и покорности, призывают их терпеливо и безропотно «нести свой крест». Терпение и покорность судьбе восхваляются как христианская добродетель. «Христос терпел и нам велел», — гласит ходячая мудрость на этот счет. Прогрессивные общественные деятели всегда осуждали рабское долготерпение и покорность масс, стремились пробуждать в них чувства социального протеста.

Это, однако, не значит, что человеку вообще не нужны такие качества, как терпение, добросовестность, пунктуальность и т. п. Мы выступаем только против тупого, рабского терпения, против такого терпения, которое является следствием человеческой пассивности, инертности, малодушия и несет на себе их отпечаток. Но терпение, выдержка, вытекающие из сознания своего долга перед людьми и обществом, из настойчивости, целеустремленности и дисциплинированности, достойны только положительной оценки и часто необходимы для осуществления самых добрых, гуманных, благородных дел.

Неверно было бы думать, что терпеливый и аккуратный человек — это непременно «сухарь», робот, «бесчувственный автомат», формалист и т. п. Мать, горячо любящая своего ребенка, с бесконечным терпением и кропотливостью ухаживает за ним во время его болезни (да и не только в это время). Советские воины и партизаны, движимые самоотверженной любовью к Родине и священной ненавистью к врагу, проявляли поистине

героическое терпение, когда, например, в разведке или в длительном походе могли часами почти неподвижно находиться на снегу в лютый мороз, выжидая благоприятный момент. Вот что рассказывал видный военный хирург об одной операции, сделанной им на войне: «Пуля попала в шею, перебила сосуды и оказалась в сердце. Это выяснилось уже во время операции. Она длилась восемь часов. Под местной анестезией¹. Когда на конференции докладывал коллегам об этом случае, председатель сказал: «Слава великому терпению русского солдата!» И я сам, и все хирурги аплодировали, хотя и не принято это, потому что такое выдержал этот человек! Теперь он на Крайнем Севере работает...»

В народном художественном творчестве содержится много похвал терпению и подобным ему качествам. «Сверни ковер своего нетерпения и уложи его в сундучок ожидания», — советовал Ходжа Насреддин. В одной восточной притче рассказывается о многочисленном дружном семействе, где всегда царили доброе согласие, мир, взаимопомощь и не было никаких ссор и драк. Молва об удивительном семействе дошла до правителя страны. Он вызвал главу семейства и спросил, как удалось установить такие хорошие отношения, нет ли здесь какого-то секрета. В ответ тот взял лист бумаги и сто раз написал одно слово: терпение.

Мысли подобного рода высказываются и в философии, психологии, художественной литературе. Кант, например, призывал людей не стремиться поскорее получить самые сильные и яркие ощущения и удовольствия. «...Не следует, — писал он, — начинать с сильных ощущений (ибо они делают нас нечувствительными к следующим за ними); лучше на первых порах

¹ *Местная анестезия* — обезболивание той части организма, на которой проводится хирургическая операция. При этом сознание больного не отключается.

отказаться от них и отмерить себе не очень много, дабы иметь возможность подниматься все выше и выше». Опираясь на эту мысль, Кант советовал молодому человеку вначале отказываться от удовлетворения своей жажды веселья, роскоши, любви и т. д., но не для того, чтобы вообще отказаться от них, а «чтобы в будущем иметь возможность наслаждаться во все возрастающей степени».

Кант считал этот совет столь важным, что нашел нужным повторить его: «Каким же путем следует искать удовольствие? Как сказано было выше, основная максима¹ гласит: отмеривать себе такую долю удовольствия, чтобы оно все еще могло увеличиваться. Пресыщенность удовольствием вызывает такое отвратительное состояние, что сама жизнь становится избалованному человеку в тягость... Молодой человек! (я повторяю) полюби свою работу, отказывайся от наслаждений не для того, чтобы *отречься* от них совсем, а для того, чтобы, насколько это возможно, всегда иметь их перед собой в перспективе! Не притупляй преждевременно восприимчивости к ним, употребляя их [во зло]». Следует признать, что это рассуждение звучит весьма современно. Напомним также известный афоризм: «Гений — это терпение». Похвала терпению звучит и в «Письме к молодежи» великого русского ученого И. П. Павлова. Обращаясь к молодым ученым, он писал: «Приучайте себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке». Здесь уместно заметить, что в любой профессии есть своя «черная работа».

Читатель, правда, может возразить: все эти мудрые слова о терпении сказаны людьми «на склоне лет своих», в том возрасте, когда быть терпеливым «легче

¹ *Максима* — правило поведения.

всего». А молодой человек, дескать, и думать не хочет о терпении... Что ж, обратимся к одному юношескому дневнику. 19-летний Л. Н. Толстой делает такую запись в своем дневнике: «Я начинаю приобретать волю телесную; но умственная еще очень слаба. Терпение и прилежание, и я уверен, что я достигну всего, что я хочу». А через четыре года (все еще молодой возраст!) он пишет в дневнике, подчеркивая эти слова: *«Помнить при всяком деле, что первое и единственное условие, от которого зависит успех, есть терпение и что более всего мешает всякому делу и что особенно мне много повредило — есть торопливость»*. Как видим, молодой человек способен понимать необходимость терпения и требовать его от себя. Это не противоречит тому, что было сказано ранее о нетерпеливости молодежи. Между прочим, юный Толстой остро чувствовал и сознавал свою торопливость, недостаток выдержки и самообладания и часто отмечал это в дневниках. Однако он не хотел мириться со своими недостатками.

Таким образом, неверно думать, что молодость слепа и глуха к слову «терпение» и абсолютно беспомощна перед своей собственной горячностью. Приведем еще одно старое изречение: «Горячее сердце — холодные руки». Пусть наши чувства и стремления будут глубокими, яркими, сильными, но только чтобы наши поступки не были непродуманными, стихийными, нелепыми. Это трудно, подчас очень трудно, и все-таки достижимо.

Ошибки, ошибки...

Говоря о нетерпеливости, мы подчеркивали, что она часто влечет за собой различные ошибки. В данной книге уже неоднократно шла речь об ошибках, но эта тема настолько важна, что следует сказать о них особо.

Отношение к ошибкам — своим и чужим — неотъемлемый элемент жизненного опыта. Последний особенно ценен потому, что помогает исправлять и предотвращать ошибки. А они бывают у каждого человека, причем у некоторых слишком часто. Вспоминаются грустные слова Сергея Есенина о себе самом:

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Вряд ли нужно доказывать, что для молодых людей вопрос об отношении к ошибкам особенно важен. Одна девушка, не назвавшая себя, писала в редакцию газеты «Комсомольская правда»: «Наш возраст очень неспокойный, мы делаем массу ошибок, но можно сделать такую ошибку, за которую приходится потом каяться всю жизнь».

История и теория ошибок еще не написаны, но все же можно высказать кое-какие обобщения. *Ошибка* есть неправильное, не соответствующее объективным условиям и человеческим целям действие или отношение человека к чему-либо. Ошибки возможны во всем, что делает человек. Бывают теоретические ошибки — просчеты в логических рассуждениях, в определении цели, в оценке наличных условий, в выборе путей и средств достижения цели. Практическая деятельность тоже не свободна от ошибок. Не только действие, но и бездействие может быть ошибкой. Ошибается и тот, кто делает не то, что нужно, и тот, кто не делает того, что нужно в данных условиях.

Древнее изречение гласит: *errare humanum est* (ошибаться свойственно человеку). Чем объяснить это свойство? Тем же, чем мы объясняли ранее необходимость жизненного опыта, — отсутствием у человека готовой «от природы», врожденной схемы поведения. Человеку

приходится самому формулировать свои цели, составлять и осуществлять планы, а это не обходится без ошибок.

Причины ошибок чрезвычайно разнообразны. Незнание или плохое знание обстановки, неопытность, неумелость, легкомыслие, небрежность, недисциплинированность — все это неизбежно порождает ошибки.

Как же следует относиться к ошибкам? Ответ на этот вопрос можно найти в биографиях и высказываниях ряда выдающихся людей: политиков, ученых, писателей. В начале этой книги мы уже приводили известные слова В. И. Ленина о политических ошибках. Как известно, он уделял неустанное внимание вопросу о политических и идеологических ошибках, глубоко анализировал возможности их исправления и предотвращения.

Много полезного дает и анализ профессиональных ошибок. Есть профессии, в которых ошибки приводят к особо тяжким последствиям (диспетчеры, водители, врачи и др.). Вот что писал советский хирург С. С. Юдин: «...за 35 лет моей хирургической деятельности накопилось пять — шесть, а то и целый десяток таких трагических ошибок, которые я не могу забыть десятилетиями и которые так глубоко потрясли мое сознание, чувство и совесть, что, вспоминая о них, я их снова переживаю, как вчера, как сегодня». Рассказывая об этих ошибках студентам и молодым врачам, продолжал Юдин, «я не только не щажу себя и совершенно не пытаюсь выгораживать или ослаблять свои былые ошибки, но главной своей задачей делаю анализ того, *как, почему* такая ошибка могла случиться». Эти слова — показательный образец самокритичного отношения к своим ошибкам.

В данной книге мы рассматриваем не профессиональные и бытовые, а житейские ошибки. Под бытовыми

ошибками мы понимаем ошибки в самых обычных бытовых делах, возникающие, например, из-за рассеянности. Житейскими ошибками мы называем ошибки в личных делах, в решении личных проблем (ошибки в выборе профессии, в выборе спутника жизни, в отношениях с другими людьми и т. п.). Такие ошибки менее заметны, чем бытовые и даже профессиональные. Если человек ошибается по рассеянности («вместо шляпы на ходу он надел сковороду»), это обычно сразу видно и понятно, по крайней мере для окружающих. А если допущена ошибка в выборе профессии, обнаружить ее подчас не так-то просто. Но при всех различиях у разных видов ошибок есть и общее, выраженное в приведенном нами определении ошибки, и то, что было сказано об отношении к политическим и профессиональным ошибкам, можно распространить и на ошибки житейские.

Отсюда вытекают некоторые правила отношения к ошибкам.

Прежде всего, надо найти, распознать, обнаружить ошибку и выяснить ее причину.

Далее, следует признать ошибку перед самим собой и, если нужно, перед другими людьми и коллективом. Этот момент для некоторых молодых людей является довольно острым и драматичным. Чрезмерное самолюбие, ложно понятая гордость, самонадеянность и тому подобные качества нередко мешают им честно и открыто признать свою ошибку.

Но мало признать ошибку, ее надо исправить: переделать то, что допускает переделку, а если переделать нельзя, то свести к минимуму вредные последствия ошибки.

Наконец, очень важно извлечь выводы на будущее и не допускать таких ошибок в дальнейшем, предотвращать их. Правда, это легче сказать, но труднее сделать, однако жизнь требует делать это.

Мы, разумеется, не тешим себя надеждой на полное искоренение всех ошибок. Но все-таки их число можно уменьшить, а главное, не следует их повторять. Ошибки молодости, говорил Гёте, не страшны, если не повторять их всю жизнь.

О пределах достижимого

В предыдущем разделе отмечалось, что исправление и предотвращение ошибок хотя и трудно, однако достижимо. Тем самым затрагивается чрезвычайно важный вопрос — о пределах достижимого для человека. Он требует особого рассмотрения, к которому мы и переходим.

При всей своей важности вопрос о пределах достижимого исследован еще мало. Правда, в связи с развитием спорта высказываются некоторые соображения о пределах физических сил человека. Довольно часто говорят о «достижениях» животных и даже растений. Ботаник устанавливает, что размеры какого-либо растения достигают определенной величины. Мы любим грибами-великанами, исполинскими деревьями, удивляемся их долголетию. Со своей стороны, зоолог находит, что какое-либо животное достигает определенных размеров и веса. У нас вызывают изумление скорость бега некоторых животных, дальность их прыжков, острота зрения и слуха, тонкость обоняния и т. д. Очевидно, все эти «достижения» живых существ имеют и свои пределы. Но о достижениях здесь можно говорить лишь в условном, переносном смысле слова. Все качества животных и растений обусловлены биологической эволюцией соответствующего вида, а особенно сильные проявления этих качеств — благоприятным стечением факторов внешней и внутренней среды организма, селекцией (выведением новых сортов и пород) и дрессировкой.

Физические достижения человека, например спортивные рекорды, не могут быть полностью объяснены только биологическими факторами. Физкультура и спорт предполагают сознательное отношение человека к своему телу, отношение, имеющее социальную основу, нравственные и художественные компоненты. Известно, что в прошлом физкультура и спорт, при всей популярности народных спортивных игр, не имели такого широкого распространения, как теперь, поскольку значительные слои трудящихся масс вследствие тяжелых жизненных условий не могли систематически заниматься спортом. Господствовавшая тогда религия всячески принижала телесную жизнь человека, видела в «бренном» теле только источник «греха» и призывала к «умерщвлению плоти» ради «спасения души». Прогноз физкультуры и спорта предполагает признание высокой социальной ценности здоровья, воспитание у людей ответственности за его сохранение, государственные и общественные мероприятия по организации спортивных соревнований и пр.

Если «достижения» животных объясняются их биологическими особенностями и упорством дрессировщиков, то физические достижения человека — его настойчивостью, волей, целеустремленностью, умением владеть собой и другими подлинно человеческими качествами. Советский штангист Юрий Власов писал: «Из спорта я вынес убеждение, что не должна существовать победа сама по себе, победа без нравственного и духовного смысла. Сила должна доказывать и утверждать величие духа и красоту преодоления». Животное не выбирает тот вид деятельности, в котором оно могло бы наиболее ярко проявить себя; его жизнедеятельность заранее жестко предопределена биологической эволюцией. Область применения и развития физических сил человека тоже во многом зависит от его биологических особенностей (одному лучше заниматься тяжелой, дру-

тому — легкой атлетикой), но выбор того или иного вида спорта решающим образом обусловлен социальными факторами: значимостью данного вида спорта в глазах общественности, масштабами его пропаганды, наличием тренерских кадров, производством спортивного инвентаря, обстоятельствами биографии спортсмена и т. д. Кроме того, регистрация спортивного рекорда и информация о нем суть социальные явления, регламентируемые традициями, правовыми, моральными и другими нормами.

Таким образом, даже физические достижения человека — это проявления не только биологического, но прежде всего собственно человеческого, социального. Тем более это относится к его духовным достижениям. Недовольство собой, стремление к совершенствованию — признак высокого достоинства человека, его особого положения среди других живых существ. Человеку трудно смириться с мыслью, что достигнутое им — предел, которого он уже не сможет превзойти. Не успокаиваясь на достигнутом, он мечтает о дальнейших победах.

Вопрос о пределах достижимого тесно связан с обобщением жизненного опыта. По-видимому, в жизни каждого человека бывают ситуации, требующие от него максимальных усилий, физических или духовных, побуждающие его «выложиться сполна» и даже, если это возможно, превзойти себя самого. Здесь перед каждым возникают вопросы: Как много я могу совершить? Как велики мои силы и способности? Имеют ли они предел и можно ли его обнаружить? Где проходит «граница» между достижимым и недостижимым? Можно ли и каким образом избежать попыток совершить непосильное, а с другой стороны, предотвратить «жизнь с недогрузкой», недоразвитость каких-то сил и качеств из-за их слабого применения? Подобные вопросы особенно волнуют людей в молодости, когда у них велико

желание совершить что-то важное, яркое, необычное, но их силы еще не вполне испытаны и осознаны. Вряд ли нужно доказывать, что эти вопросы очень серьезные и сложны и что то или иное их понимание оказывает серьезное влияние на человеческую жизнь. Ошибки в их решении могут оказаться губительными и для того, кто их совершает, и для других людей. А. Блок писал:

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

В современном буржуазном обществе подогревается нездоровый интерес к вопросу о пределах достижимого. На Западе довольно часто демонстрируются и широко рекламируются различные опасные трюки: «полеты» на автомобилях или мотоциклах, разогнанных до большой скорости, прыжки в воду с высокой скалы, бег через огонь и т. п. Организаторы таких трюков устраивают их ради сенсации и обогащения, а исполнители участвуют в них ради заработка. Иногда дело кончается гибелью или увечьем исполнителя трюка. Мало того, что подобные «аттракционы» антигуманны и жестоки, они, по существу, ничего не дают для изучения пределов человеческих сил, а лишь подвергают людей искусственно созданной смертельной опасности. Правильно понимаемое исследование пределов человеческих способностей не имеет ничего общего с такими трюками. Кроме того, на Западе нередко проводятся самые нелепые состязания: у кого самая длинная борода, кто дольше всех проспит, пропоет и т. п. Эти «соревнования» не имеют никакого значения ни для спорта, ни для науки, но могут отвлекать людей от политики, от

их насущных задач, создавать у них иллюзию своей самобытности, оригинальности, яркого проявления своего «Я».

Правильно поставленный вопрос о пределах достижимого имеет серьезное и многостороннее философское значение. Он выступает своеобразным проявлением основного вопроса философии — вопроса об отношении мышления к бытию. Говоря о пределах достижимого, необходимо исследовать, в какой мере и какие замыслы, принципы, цели, мечты и т. п. могут быть осуществлены, «переведены» из идеального в материальное и какова роль духовных факторов в решении тех или иных задач. Вопрос о пределах достижимого глубоко диалектичен, ибо его выяснение побуждает вскрывать диалектические противоречия неспециализированности и приспособленности, предела и беспредельности, совершенствования в определенной области и всестороннего развития человека. Кроме того, здесь приходится обращаться и к таким категориям материалистической диалектики, как возможность и действительность, причина и следствие, необходимость и случайность и др.

Вопрос о пределах достижимого может быть конкретизирован и развит в зависимости от того, идет ли речь о физических или духовных силах человека, о каком-то одном поступке или о постоянно выполняемой деятельности и т. д.

Вопрос о пределах достижимого имел особое значение в суровые годы Великой Отечественной войны. В это время многие советские люди оказались в необычайно тяжелых условиях, были вынуждены пройти через труднейшие испытания. Они героически сражались с врагом на фронте, упорно трудились в тылу, не щадя себя во имя победы. Мужчины и женщины, старики и подростки жили, воевали, работали с огромным напряжением всех своих сил, преодолевали чудовищ-

ные беды и невзгоды, подвергались смертельным опасностям, выдерживали немыслимые перегрузки — и нервные и физические. Но и в мирное время труднейшие задачи восстановления и развития народного хозяйства страны требовали от людей исключительной самоотверженности.

Мы уже отмечали, что необходимость жизненного опыта теоретически объясняется на основе диалектического противоречия неспециализированности и приспособленности человека (не имея готовой врожденной схемы поведения, человек вынужден запоминать и использовать многое из того, что он наблюдал и осваивал в прошлом). Теоретическое исследование вопроса о пределах достижимого также основано на этом противоречии. Неспециализированность и универсальность человека накладывают свой отпечаток на всю его деятельность, побуждают его к поискам и созиданию нового, а это приводит к тем или иным результатам и к проблеме их максимума. Поскольку природа не определила точно и однозначно, как много может достичь человек, он сам стремится установить величину своих сил.

В современную эпоху противоречие неспециализированности и приспособленности и значение деятельности важны как никогда прежде. Поэтому и вопрос о пределах достижимого приобретает особую актуальность. В самом деле, огромные социально-политические сдвиги, глубокие преобразования в области экономики и культуры, бурный научно-технический прогресс и многие другие факторы придали современной эпохе особую динамичность, резко повысили человеческую мобильность (подвижность) в широком смысле слова. Как известно, современная эпоха — это эпоха перехода от капитализма к социализму и коммунизму, от вековой пассивности широких слоев населения — к деятельному их участию в общественно-политической жизни, от

невежества и бескультурья — к освоению культурных ценностей.

Изменения в социальном статусе людей, профессиональные и территориальные перемещения, отказ от целого ряда устаревших традиций и духовных ценностей, другие проявления переходного характера современной эпохи ослабляют у человека сознание и чувство исключительной принадлежности к какой-либо одной сфере жизни. Если раньше многие люди были прочно «привязаны» к одной местности, профессии, религии, то теперь жизнь стала менее инертной, более свободной от наслоений прошлого.

Современная научно-техническая революция серьезно обостряет вопрос о пределах достижимого, поскольку предъявляет небывало высокие требования к физическим и психическим способностям человека, которому приходится выдерживать возрастающий темп жизни, перегрузку информацией, работу по управлению сложной техникой, требующую напряженного внимания, быстрой реакции, и т. п. Психологические исследования особенностей труда работников некоторых профессий (диспетчеры, операторы, летчики и др.), как правило, носят эмпирический характер и скорее лишь подчеркивают актуальность общетеоретического вопроса о пределах достижимого, чем дают какое-либо его решение.

Особенно важен этот вопрос в связи с задачами улучшения качества и эффективности всей нашей работы, которые диктуются назревшими объективными потребностями дальнейшего развития народного хозяйства страны. Всемерное повышение качества — трудное и сложное дело, оно предполагает развитие всевозможных человеческих сил и способностей: материальных и духовных, репродуктивных и творческих.

Вопрос о пределах достижимого важен также для философского познания человека и для самопознания.

Подобно тому как в естественнонаучном эксперименте исследуемый объект, помещаемый в особые, необычные для него условия, «сообщает» о себе то, что вряд ли можно «вывести» другим путем, так и в жизненном опыте человек, решая трудные задачи, наиболее глубоко познает и одновременно формирует самого себя. При этом он расстается с иллюзиями, порождаемыми плохим знанием себя и своей социальной среды, открывает и развивает в себе силы и способности, о которых ранее, возможно, и не подозревал.

Диалектика предела и беспредельности

Всякий предел человеческих сил относителен. Он обусловлен особенностями данного человека и обстоятельствами его жизни и меняется вместе с ними. Но обусловленность этого предела не является жесткой и однозначной, он подвижен, колеблется, перемещается в ту или другую сторону. Конечно, всегда можно установить предел, заведомо недостижимый для данного человека, но ни об одном, сколь угодно высоком достижении, которого кто-либо добился, нельзя сказать, что оно никогда и никем не будет превзойдено. К примеру, история спорта знает много феноменальных рекордов, которые были не только повторены, но и перекрыты. На наш взгляд, заблуждаются и те, кто видит человека окруженным со всех сторон непреодолимыми пределами, установленными раз и навсегда, и те, кто утверждает абсолютную беспредельность его сил и способностей. Эти позиции лишь на первый взгляд могут показаться полностью противоположными, однако обе они являются метафизическими (антидиалектическими) и чреваты тяжкими антигуманными последствиями. Первая позиция ведет к самоуничтожению человека, вторая —

к авантюризму, к моральным и политическим катастрофам. Как известно, фашисты воображали себя «сверх-человеками», которым «все дозволено», которым можно делать все, что им угодно, и в этом — один из основных пороков их идеологии насилия и жестокости.

Диалектическая противоречивость присуща и познанию, установлению того или иного предела достижимого для данного человека. Как правило, человек заранее не знает своего предела и может установить его только в своем жизненном опыте, где он испытывает себя и узнает, на что он способен. Вместе с тем он развивает себя, упражняет свои силы и, следовательно, создает возможности для преодоления достигнутого предела и перехода к другому пределу, более высокому. Поэтому можно сказать, что человек в одной и той же деятельности и устанавливает, и изменяет свой предел. Он не знает предела заранее, но знает, что достигнутое им не есть абсолютный предел, и это побуждает его пытаться достичь еще большего. Известный путешественник и альпинист К. Маури говорил: «...я считаю, что в жизни каждого человека главное — преодоление себя, победа над собой. Только так можно узнать предел своих возможностей, который гораздо выше, чем мы думаем».

Познание предела достижимого диалектично и в другом отношении — в сопоставлении целей и результатов нашей деятельности. Если сравнить замыслы и мечты юности с итогами жизненного пути, то можно сказать, что человек достигает и многого, и малого. Кто-то мудро заметил, что если бы человек заранее знал все трудности и невзгоды, которые ему придется пережить, то он пришел бы в ужас и стал горько сетовать на свою жестокую судьбу. Можно добавить, что если бы человек заранее знал, чего он достигнет за свою жизнь, то он вряд ли поверил бы, что он способен на это. Человеческая дееспособность поистине изумительна. И все-

таки, сравнивая порывы юности со своими реальными результатами, человек нередко приходит к грустной мысли, что он достиг очень малого. Почему получается такой вывод — «и много, и мало»? Человек достигает большего, чем он предполагал, потому, что вначале он сравнительно плохо знает себя, свои силы и возможности их развития, а также благоприятные условия своей деятельности. Человек достигает меньшего, чем он предполагал, потому, что, плохо зная себя и условия своей жизни, он вначале часто переоценивает свои силы и преуменьшает трудности.

Вопрос о пределах достижимого побуждает обратиться и к диалектическому противоречию совершенствования в определенной области и всестороннего развития человека. Достижение совершенства или хотя бы приближение к нему требует сосредоточить усилия в какой-либо одной области и не распылять свои силы на другие занятия. Как говорит пословица, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Разумное самоограничение особенно важно в условиях современного производства с его специализацией и профессионализацией. Но самоограничение, даже разумное (а неразумное и подавно), таит в себе опасность односторонности и узкого профессионализма. Эту опасность всячески раздувают современные буржуазные философы, толкуя о невозможности всестороннего и гармонического развития человека.

Диалектика устраняет бесплодное противопоставление специализации и всестороннего развития, вскрывая их противоречивое единство. Существуют общие закономерности и методы всякой деятельности, благодаря чему метод, доказавший свою эффективность в какой-либо одной области, может дать высокие результаты и в других. Поэтому тот, кто хочет достичь совершенства в чем-либо, не должен замыкаться в одной области; ему надо развивать у себя широту кругозора, способность

находить и использовать все наиболее ценное из других областей. В свою очередь, человек с разносторонними интересами может избежать дилетантства, поверхностного знания «обо всем понемногу» лишь благодаря углубленным занятиям в какой-то одной области.

И все же, спросит читатель, как добиться максимального достижения? Что для этого нужно?

Как достичь наивысшего результата?

Силы и способности человека — и физические и духовные — поистине огромны. Такое утверждение может показаться нереалистичным, преувеличенным. Кто не испытал на своем горьком опыте, каким слабым, даже беспомощным бывает иногда человек? Но мы, оказывается, плохо знаем свои силы и способности, многие из них скрыты от нас и остаются неразвитыми и неиспользованными.

Как же пробудить дремлющие силы человека? Как привести в движение его скрытые ресурсы? Известны разные подходы к этим вопросам.

Религия призывает человека черпать силы из потустороннего источника, уповая на милость бога. Ее проповедники указывают на факты, которые на первый взгляд свидетельствуют о том, что религиозная вера способна дать человеку большой прилив сил, благодаря чему недоступное становится доступным. Известны случаи, когда верующие больные, доведя себя до состояния религиозного экстаза (т. е. до крайней степени восторга перед богом), внезапно исцелялись от своего недуга. Но, во-первых, это возможно не при всех, а лишь при некоторых заболеваниях; во-вторых, в этом нет ничего сверхъестественного, так как исцеление происходит в результате самовнушения; в-третьих, для внушения и

самовнушения религия не нужна, ибо современная наука эффективно лечит определенные болезни внушением и гипнозом. Кроме того, проблема достижения максимального результата не исчерпывается лечением болезней, она гораздо шире.

Другой подход возлагает основные надежды на применение сильнодействующих веществ, полученных в современных химических и фармацевтических лабораториях и способных «подхлестывать» деятельность организма, мобилизовывать его на необычайно высокие достижения.

При всей своей противоположности эти подходы имеют нечто общее: они отводят человеческому разуму и воле пассивную, подчиненную роль, поскольку видят в человеке не активного деятеля и творца, а просителя милости божьей или проводника действия эффективных препаратов. Мы отдаем должное науке, создающей ценные медицинские препараты, и не хотим умалить их эффективность. Но никакие таблетки и снадобья не могут обеспечить совершенствование человека. Развитие человеческих способностей обеспечивается лишь путем упорного труда, сознательных усилий, систематической работы над собой.

К сожалению, наука еще мало знает о способах достижения максимальных результатов. Ее новая интересная отрасль — антропомаксимология (изучение пределов человеческих сил и путей их достижения) находится пока в начальной стадии своего развития. Поэтому мы выскажем здесь лишь некоторые соображения. По нашему мнению, наибольшая активизация человеческих сил и как ее вероятное следствие — наибольшее достижение возможны при одном из следующих трех условий:

1. Если человек подвергается опасности и его жизнь оказывается под угрозой, он может мобилизовать свои силы в гораздо большей степени, чем в относительно

спокойной, обыденной обстановке. При этом важную роль играют индивидуальные различия между людьми. Одних людей опасность угнетает и сковывает, других она заставляет достигать почти невероятного. Надпись на высочайшем тибетском перевале гласит: «Научились ли вы радоваться препятствиям?» Такая радость — признак мужества, воли, самообладания.

Конечно, для достижения успеха перед лицом опасностей и препятствий человеку необходимо, чтобы в его распоряжении имелись или могли быть им созданы определенные предпосылки, возможности, условия, средства для отражения угрозы. Если таких предпосылок нет, человек вряд ли добьется значительных достижений. Если же он видит опасность, угрозу, преграду и одновременно сознает, что он не беспомощен, но должен сам мобилизовать свои силы для борьбы, то он может развить большую активность. Вспоминая суровые годы войны, советский хирург Ф. Г. Углов писал: «Странное это состояние, и пока еще толком не изученное, в котором человек находится в период тяжелых испытаний. Он вдруг обнаруживает в себе удивительную способность работать дни и ночи без сна и отдыха, неделями! И не только приходит вот такое «второе дыхание», исчезают боли, которые досаждали до этого. Полуголодный, плохо одетый, человек стойко переносит такие тяготы, какие при мирной сытой жизни свалили бы его с ног в короткий срок... Видел тому множество примеров, испытал на себе». Конечно, это не означает, что надо подвергать людей самым тяжелым испытаниям и грозным опасностям: победы, одержанные таким путем, оплачены слишком дорогой ценой.

2. Человек может добиться огромных достижений тогда, когда он вдохновлен яркой мечтой, сильными чувствами, когда он беззаветно предан своему делу, находит в нем свое жизненное призвание и наибольшее духовное удовлетворение, когда он страстно желает

достичь цели. Как писал немецкий философ Гегель, без страсти, то есть без сильного чувства, не происходит ничто великое в истории. В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин говорил: «...человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»¹

Воодушевление великой целью активизирует не только политическую, но и научную, художественную и всякую иную деятельность. В «Письме к молодежи» И. П. Павлов утверждал, что страсть — любовь к науке, увлеченность ею — относится к важнейшим качествам ученого. Ценность положительных эмоций известна каждому из повседневного опыта. Радость, вызываемая победой, является могучим стимулом деятельности. Однако следует иметь в виду, что успех — вещь довольно коварная: он вызывает у некоторых опасную «болезнь», известную под названиями «головокружение от успехов», зазнайство, самонадеянность, вера в свою непогрешимость, «почивание на лаврах». К сожалению, многие люди не удерживаются на достигнутой ими высоте. Есть испытание трудностями, и есть испытание успехами, испытание «медными трубами» славы.

3. Сочетание двух описанных условий также способствует максимальным достижениям. Если человек подвергается опасностям и одновременно видит перед собой заветную цель, он развивает кипучую деятельность. Так, любящая мать, дитя которой попало в беду, ради его спасения способна преодолеть чудовищные трудности и преграды. Жизнь настолько обширна и многогранна, что в ней достаточно места для одновременного проявления обеих тенденций: желания достичь цели и стремления отвратить опасность. Их сочетание

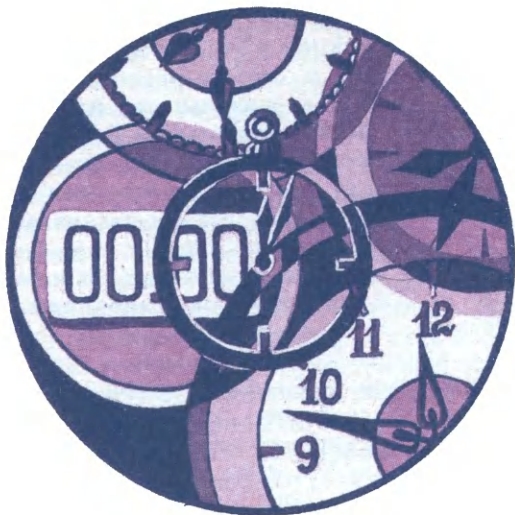
¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 312.

характерно для нашей эпохи — эпохи особых трудностей и опасностей (самая ужасная из них — опасность термоядерной войны) и особых перспектив и надежд.

Мало того что наша деятельность протекает в обстановке, которая обычно содержит и благоприятные, и неблагоприятные, нежелательные условия. Многие достижения, требующие длительного времени, возможны лишь как результат взаимодействия различных способностей человека. Однако далеко не все способности одинаково развиты у каждого. Некоторые люди составляют прекрасные планы, но плохо их выполняют. Нередко не учитывается, что человеческая воля, собранность, способность владеть собой проявляются не только в умении напрягаться, мобилизовываться, но и в умении расслабляться, отвлекаться, приостанавливать ту или иную деятельность, переключаться. Каждый знает, что заставить себя делать что-либо неприятное или опасное иногда бывает очень трудно. Но как же трудно некоторым людям *не делать* что-либо, например не курить, не пьянствовать.

Культурный облик человека обнаруживается не только на работе, но и на отдыхе, в использовании свободного времени. Вероятно, гармонически развитой личностью может быть лишь тот, кто умеет и работать и отдыхать. Разумный, содержательный отдых бесконечно далек от безделья и пустого времяпровождения. На наш взгляд, умение отдыхать очень ценно, и его тоже надо культивировать.

Говоря о максимальных достижениях, мы не намерены приукрашивать действительность. Как ни велики способности человека, нельзя упускать из виду и возможность неудачи, промаха, поражения. Не согнуться и не упасть под грузом ошибок и неудач, оставаться человеком вопреки всем бедам и несчастьям — это огромное достижение, достойное уважения и восхищения.

III. О правилах жизни

Всякое мастерство приобретается только в опыте. Никто не может стать мастером какого-либо дела, не упражняясь в нем. В этом отношении опыт незаменим. Но всякий ли опыт одинаково быстро приводит к овладению мастерством? Конечно нет. Если человек пытается освоить что-либо на свой страх и риск, без малейшего понятия о том, что и как надо делать, без всяких правил, то его путь будет слишком долгим, извилистым и трудным. Подобно тому как существуют правила обучения определенному мастерству, есть и правила, относящиеся к «искусству жизни». Будем называть их правилами жизни, или житейскими правилами. Конечно, они посложнее, чем, например, правила езды на велосипеде или игры в футбол. Мы посвящаем их обоснованию и изложению все последующие страницы этой работы.

Из истории вопроса

В самых различных видах человеческой деятельности применяются те или иные правила. Существуют правила дорожного движения, техники безопасности, грамматики, спортивных и других игр, правила приличия и т. д. Правила — это совокупность требований и разрешений, возникших в определенной социальной среде, предназначенных для упорядочения какой-либо деятельности и подлежащих более или менее тщательному соблюдению (или использованию, если это разрешения) в зависимости от значения этой деятельности и от конкретных ее обстоятельств. Особое место среди правил занимают правила жизни.

О важности и трудности проблемы правил жизни говорит то, что ей уделяли серьезное внимание многие выдающиеся философы и писатели разных стран и эпох. Поскольку проблема эта сложна и многогранна, ее рассматривают под разными названиями и с разных точек зрения. Французский философ-моралист XVII века Франсуа Ларошфуко и некоторые другие писали о максимах — правилах поведения, которые тесно сопрягаются и отчасти совпадают с правилами жизни. Французский философ и ученый XVII века Рене Декарт в работе «Рассуждение о методе» выдвигал «временные правила нравственности», временные в том смысле, что они суть правила решения определенных задач, возникающих перед человеком в определенные периоды его жизни (по существу, это и есть правила жизни). Голландский философ XVII века Бенедикт Спиноза в произведении «Этика» изложил «предписания разума», выполнение которых, по его мнению, могло бы привести к уменьшению «человеческой неспособности и непостоянства». Немецкий философ XVIII века Иммануил Кант в своих этических сочинениях исследовал, в частности, «императивы благоразумия», под которыми он

понимал советы относительно того, как можно было бы достичь благополучия и счастья. В работе «Антропология» Кант особо выделяет правила, которые, в отличие от велений природы, человек устанавливает сам и которые требуют от него не механического повторения или подражания, но сознательного, продуманного выбора и решения. Настойчиво искал «незыблемые правила поведения и веры» французский писатель и философ Жан Жак Руссо. О правилах жизни размышляли американский ученый и философ XVIII века Бенджамин Франклин, немецкий философ той же эпохи Иоганн Готфрид Гердер и другие.

Из русских мыслителей особенно долго и напряженно, с глубоким волнением и жаром души искал правила жизни Л. Н. Толстой. Эти искания наиболее ярко и непосредственно отражены в его дневниках, которые он вел много лет. К ним и обратимся. Вопрос «как надо жить» постоянно занимал огромное место в размышлениях Толстого. «Много знаний разных, но одно важнее и достовернее всех — знание того, как жить, — писал он. — И это-то знание пренебрегается и считается и неважным, и недостоверным». Последняя фраза направлена по адресу людей недалеких, легкомысленных, нежелающих углубляться в раздумья о сложных проблемах жизни.

Вопрос о том, как надо жить, получил у Толстого развернутый ответ в правилах жизни, которые он начал обдумывать и формулировать еще в 15-летнем возрасте. Впоследствии он писал: «Первою мыслью моею было составить для себя правила в жизни, и теперь я невольно возвращаюсь к ней». Когда ему было 19 лет, он подробно записал правила жизни в отдельной тетради, пронумеровал их и разделил на несколько групп: правила для развития воли телесной, воли чувственной, воли разумной, для развития памяти, деятельности, умственных способностей и другие. Уже отсюда видно, что основной

задачей, которую он стремился осуществить при помощи этих правил, было развитие силы воли, самообладания, внутренней дисциплины. Действительно, без этих качеств вряд ли можно овладеть искусством жизни. Для Толстого эти правила были теми требованиями, которые он предъявлял к самому себе. Вот как он выразил это: «Первое правило, которое я назначаю, есть следующее... *Исполни́й все то, что ты определил быть исполнену́*». В другом месте он записал: «Правило 1) Каждое утро назначай себе все, что ты должен делать в продолжение целого дня, и исполни́й все назначенное...». Эта мысль повторяется и в других местах его дневника. На первый взгляд она может показаться тавтологией, простым повторением того же самого: ведь если кто-либо принимает решение, ставит перед собой задачу, то ясно, что он должен ее решать. На самом же деле это очень важное правило. Известно, что принимать решение обычно легче, чем его выполнять, и нередко люди «забывают» о своих решениях или под разными «благовидными» предлогами откладывают их выполнение все дальше и дальше. Поэтому Толстой и приказывал себе: «...исполни́й все назначенное». Как видим, правила жизни обращены к практической деятельности человека и только в ней получают свое наиболее полное воплощение. Между прочим, следует отметить, что в правилах для развития умственных способностей Толстой записал: «Занимайся философией». Это — действительно прекрасное средство совершенствования человеческого разума.

В понимании сложной проблемы правил жизни не обошлось без ошибок и заблуждений. Они были у многих мыслителей и были связаны с их мировоззренческими позициями. Мы знаем, что В. И. Ленин критиковал, например, Л. Н. Толстого за его моральную философию, основанную на заповедях христианства, за проповедуемое им «непротивление злу» насилием. Формулируя

«правила жизни», Толстой нередко смешивал их с более частными правилами устройства быта, режима дня, с различными психологическими приемами. Среди написанных им правил есть, например, и «правила для развития памяти». Конечно, память надо развивать, но это, на наш взгляд, относится уже не к правилам жизни, а к психологическим приемам самообучения. Однако при всех ошибках и заблуждениях мыслители прошлого дали много ценного для понимания правил жизни, и мы еще очень долго будем использовать их наследство.

Необходимость отграничения правил жизни от всех других правил требует более четко показать, что же это за правила. Целесообразно поэтому сравнить правила жизни с правилами игры.

Тайна игры

В этой книге под правилами жизни, или житейскими правилами, подразумеваются принципы и советы, направленные на выработку и осуществление «стратегии» личной жизни и пригодные для решения тех или иных встающих перед человеком задач. Конечно, эти правила следует применять не механически, не шаблонно, а сознательно, обдуманно, с учетом конкретной обстановки.

Усвоению правил жизни мешают многочисленные заблуждения и недоразумения. Прежде всего возникает вопрос: а возможны ли вообще такие правила? Ведь человеческие мысли, чувства, намерения, поступки чрезвычайно разнообразны. Иногда то, что одному придется преодолевать (или создавать) с максимальным напряжением сил, для другого не имеет никакого значения и «ничего не стоит». Если «искусство жизни» глубоко индивидуально, то может ли оно иметь какие-либо «правила»? Здесь обнаруживается интересная

вещь: индивидуальный характер «искусства жизни» не исключает наличия его правил, которые могут быть поняты, усвоены и применены многими людьми.

Чтобы это пояснить, проведем аналогию (сравнение) между правилами жизни и правилами игры. Здесь, однако, возникает вопрос: допустима ли такая аналогия, не приведет ли она к легкомысленному пониманию жизни? Некоторые считают, что игра — несерьезное занятие, что это — один из способов «убить время», изобретение бездельников. Конечно, существуют пустые, бессодержательные игры, и подчас мы действительно играем «скуки ради». Но это не должно заслонять важности и жизненности игры. У всех народов во все времена известны игры, физические и умственные, парные и групповые, взрослые и детские. И не такое уж это простое занятие. Однажды психолог Жан Пиаже, изучавший психику ребенка, рассказал физику Альберту Эйнштейну об исследовании детских игр и их роли в развитии человека. Пораженный тем, какие сложные вопросы возникают при этих исследованиях, Эйнштейн заметил: «Тайна атомного ядра — детская игра по сравнению с тайной детской игры». А уж он-то знал, как трудно исследовать атомное ядро и другие проблемы физики.

В современной науке существует особое направление — теория игр, созданы кибернетические машины, играющие в шахматы и другие сложные игры. И этим занимаются не ради праздного любопытства. Составление программы, по которой играет машина, представляет собой разработку стратегии и тактики деятельности, что очень важно для решения ряда серьезных практических задач. Значение игр этим не исчерпывается. Игра нужна для отдыха и разрядки, для преодоления отрицательных эмоций, для выработки различных навыков и подготовки к практической жизни (таковы многие игры детей), для развития физических и интеллектуаль-

ных способностей. Но основной смысл и основная ценность игры, на наш взгляд, состоят в развитии доброй воли человека, в добровольном подчинении всех игроков правилам игры, добросовестном и честном выполнении ими этих правил, в добровольном общении и объединении людей на этой основе. Таким образом, игра является или, по крайней мере, должна являться одним из средств нравственного воспитания человека, одним из средств развития культуры. Это относится лишь к играм людей. Игры животных не выполняют этой функции (животные не договариваются между собой о правилах игры, не обязуются выполнять их).

Аналогия между игрой и жизнью допустима постольку, поскольку в своей жизни человек, как и в игре, всегда находится в какой-либо ситуации, должен решать какие-то определенные задачи, имеет дело с тем или иным противником (например, со своей собственной ленью), упражняет и развивает свои способности. Искусство игры требует не только физических и интеллектуальных навыков, но и мастерства применения ее правил. Хороший игрок использует в борьбе с противником не только свои телесные и духовные силы, но и правила игры. Само по себе знание этих правил еще не означает мастерства и тем более не гарантирует выигрыша, не избавляет от борьбы, выбора, риска. Человек может знать правила игры и проиграть. Нечто подобное можно сказать и о человеческой жизни и ее правилах. Искусство жизни требует мастерства индивидуального применения ее правил. Если же человек применял правила жизни, но не достиг своей цели, то отсюда еще нельзя заключать, что эти правила никуда не годятся.

Значение правил жизни не следует понимать таким образом, что они представляют собой сводку точных указаний о том, как надо поступать в том или ином конкретном случае. Это относится и к правилам игры,

и к принципам морали, и ко многим другим нормам. Никто не живет «по ту сторону случайностей», но они не исключают правил жизни, а должны находить отражение в этих правилах. Не дать случаю сбить себя с толку, не капитулировать перед ним, отвечать на него в соответствии с обстановкой, даже обратить случай из врага в союзника, по мере возможности использовать его в своих интересах — все это включается в правила жизни.

Говоря о сходстве правил игры и жизни, необходимо видеть и различие между ними. Как ни сложна «тайна игры», человеческая жизнь еще сложнее. Длительность игры измеряется часами и минутами, длительность жизни — годами. Цель игры обычно не меняется от ее начала до конца, на разных же этапах жизни человек ставит перед собой разные цели. Игра четко отделена в пространстве и времени от остальной деятельности, а в жизни самые различные явления происходят одновременно и влияют друг на друга. В течение одного сеанса игры ее условия редко меняются, а условия личной жизни подвержены глубоким и разнообразным изменениям. В случае резкого изменения условий игра вообще может быть прекращена, а жизнь надо продолжать.

Поэтому из правил жизни можно, а подчас и нужно выбирать те, которые наиболее подходят к данным условиям. Иначе говоря, иногда допустимо менять правила, переходить от одних правил к другим. Более того, возможны и намеренные отклонения от правил, действия вопреки им («игра без правил»), и это в некоторых случаях может дать лучший эффект, чем строгое их соблюдение. Однако такие факты не опровергают правил жизни, а лишь подтверждают то, что использование случайности и внезапности входит в число правил. Известный принцип «нет правил без исключений» относится и к правилам жизни. Они допускают иск-

лючения, вызванные чрезвычайными обстоятельствами.

Но не говорит ли допустимость как смены правил жизни, так и намеренных отклонений от них об их моральной пустоте или, хуже того, об их аморальности? Выдерживают ли эти правила моральную проверку?

Правила жизни и мораль

Подобно искусству жизни, житейские правила не могут быть нравственно нейтральными. Они базируются на принципах определенного мировоззрения и морали и вырабатываются на основе того или иного понимания смысла человеческой жизни, счастья, достоинства личности и других вопросов морали. Тесная связь правил жизни с моралью находит отражение во многих пословицах, поговорках, девизах. Такова, например, пословица «Не рой яму другому — сам в нее попадешь». Она осуждает причинение вреда другому человеку, всевозможные подлости, обманы, интриги по отношению к нему и вместе с тем указывает на то, что попытка «втоптать в грязь» другого человека может обернуться бедой для самого интригана: ведь поступки каждого из нас влияют не только на других, но и на нас самих. Таким образом, злодейство недопустимо и с позиций морали, и с позиций нашего собственного житейского благополучия.

При всей своей связи с нравственностью правила жизни не тождественны нормам морали и не сводятся к ним. Мораль регулирует формирование и применение правил жизни, указывая их границы, отсеивая те правила и поступки, которые противоречат ей. Мораль устанавливает, что позволительно, допустимо, а что — нет, но и позволительные поступки образуют очень широкую область, и их можно совершать разными спо-

собами, из которых надо выбирать наиболее соответствующие данным условиям. Здесь и приходят на помощь правила жизни, которые определяют оптимальное в дозволенном, наиболее важное, нужное, целесообразное в допустимом. Эти правила представляют собой советы относительно того, каким образом, какими средствами и приемами следует достигать тех или иных результатов в личной жизни.

Это можно пояснить на многих примерах. Так, мораль не запрещает нам строить различные планы на будущее, заниматься тем или иным видом спорта, определять тот или иной маршрут туристского похода, брать для чтения любую из книг, имеющихся в библиотеке, и т. п. А выбирать можно по-разному. Например, один выбирает «свой» вид спорта на основе сильного влечения к определенной деятельности, другой — по совету тренера, третий — благодаря случаю, который показал ему, что данный вид спорта интересен и нужен. Все эти способы выбора морально допустимы. Было бы нелепо думать, что лишь какой-то один из них нравственно дозволен, а все остальные аморальны. Конечно, мало сделать правильный выбор, надо подкрепить его настойчивым освоением избранной области.

Если допустим выбор из различных возможностей, то позволительно выбирать и из правил жизни. Смена этих правил и даже намеренные отклонения от них не всегда означают нарушение морали. Выбор и смена правил не содержат ничего аморального, если имеют целью найти наиболее эффективный из многих морально равноценных и допустимых способов решения задачи. Короче говоря, смена правил и отклонения от них позволительны при соблюдении норм морали. Здесь опять уместно сравнить правила жизни с правилами игры. Шахматист может выбрать ту или иную форму защиты, тот или иной стиль игры, и его выбор окажется удачным либо неудачным, приведет к победе или к по-

ражению, но и в том и в другом случае выбор является морально допустимым. Если шахматист проиграл партию, то это не значит, что его стиль игры аморален. Человеческая деятельность оценивается не только с точки зрения моральной дозволенности, но и с учетом практической целесообразности, эффективности, результативности.

Говоря о допустимости смены правил жизни, мы отнюдь не призываем менять их как можно чаще. Если неспособность исправлять линию своего поведения свидетельствует о душевной инертности и косности, то слишком частая и необоснованная смена правил ведет к непостоянству и взбалмошности.

На этом анализ отношений морали и правил жизни еще нельзя считать законченным. Мораль может быть разной: коммунистической морали противостоит лицемерная индивидуалистическая буржуазная мораль. Соответственно и правила жизни бывают разные. Они зависят не только от морали, но и от всех социальных отношений, существующих в данном обществе. Эти отношения порождают широкое распространение тех или иных правил в данных социальных условиях (в пределах какого-либо класса или социальной группы), вне которых эти правила могут оказаться неприменимыми. Такие правила житейской «мудрости», как «после нас — хоть потоп», «не обманешь — не продашь» и им подобные, могли стать неписаными законами лишь в том обществе, где господствуют частная собственность и эксплуатация человека человеком.

В капиталистических странах одна за другой выходят брошюры под броскими названиями: «Как стать миллионером», «Как быстро разбогатеть», «Как преуспеть в жизни», «Как выйти замуж за миллионера» и т. п. В них читателям внушается мнение о том, что главное в жизни — деньги, богатство, «тепленькое местечко», эгоистическое благополучие, и даются советы,

как это приобрести. Подобное «искусство жизни» и такие правила мы отвергаем как извращенные, порочные, духовно растлевающие человека, несовместимые с коммунистической моралью.

Далее, некоторые правила, вполне разумные и прогрессивные в определенных условиях, могут оказаться излишними и просто нелепыми в других условиях. Среди правил, которые написал для себя юный Л. Н. Толстой, мы находим и такое: «Не имей прислуги». Для Толстого — графа, аристократа это было весьма демократично и свидетельствовало о его выдающихся личных качествах. А если бы наш современник, молодой гражданин социалистического общества, установил для себя такое же правило, то это было бы странно.

Мало того, что бывают разные правила, — разные люди понимают и применяют правила по-разному. В повести А. Сент-Экзюпери «Ночной полет» отмечается, в частности, что для энергичного и требовательного Ривьера правила были «результатом изучения людей», а для формалиста Робино «существовало лишь изучение правил».

Таким образом, правила жизни не являются неизменными, раз навсегда установленными принципами, появившимися неведомо откуда. Было бы неверно думать, что они одинаковы для всех людей на все времена и требуется только узнать их и запомнить. Здесь действует диалектика относительного и абсолютного, с которой мы сталкиваемся и в научном познании, и в морали, и в искусстве. Правила жизни имеют конкретно-историческую природу и в классовом обществе носят классовый характер. Это значит, что они определяются социальными условиями и особенно классовыми отношениями данного общества. Вместе с классовым в правилах жизни имеется и общечеловеческое содержание. Такие изречения и пословицы, как «Festina lente» («Торопись не спеша»), «Посеешь поступок — пожнешь

привычку, посеешь привычку — пожнешь характер» и т. п., использовались людьми разных исторических эпох, проверены и подтверждены опытом многих поколений и имеют непреходящее значение.

Социальная обусловленность правил жизни не исключает их относительной самостоятельности и обратного влияния на общественные отношения. Подобно тому как жизненный опыт служит одним из средств разработки и разъяснения вопросов политики (о чем шла речь в первой части книги), правила жизни могут использоваться для определения и решения политических, экономических и других задач. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии мы читаем: «Суть организационных вопросов, попросту говоря, состоит в том, чтобы каждый, имея для этого необходимые права и неся в их пределах всю полноту ответственности, занимался своим делом. Это элементарное житейское правило является в то же время основой основ науки и практики управления»¹. Эти слова свидетельствуют о значении правил жизни для решения социально-политических проблем.

Поскольку в социалистическом обществе значение нравственности возрастает, а принципы коммунистической морали становятся личными убеждениями и определяют поведение людей не только на словах, но и на деле, происходит сближение морали и правил жизни, которые ведь тоже регулируют поведение. Правила жизни помогают определять направление жизненного пути, и их можно сравнить с дорожными знаками. Здесь возникает вопрос: не ущемляют ли эти правила человеческую свободу, не ограничивают ли они нашу самобытность, индивидуальность? Некоторые буржуазные философы выступают сторонниками абсолютной, ничем не ограниченной свободы индивида. Однако такая свобода

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 61.

да граничит на деле с произволом и чаще всего оказывается тяжким бременем для человека. Тот, кто не придерживается никаких правил в своем поведении, подобен неуправляемому суденышку, находящемуся во власти волн и ветра. Применение разумных, проверенных опытом, морально обоснованных правил жизни не только не ущемляет свободу, но, напротив, расширяет ее и возвышает достоинство человека. Оно тесно связано с воспитанием разумных потребностей и интересов личности как одной из важных задач политико-воспитательной, идеологической деятельности партии, с формированием личности нового, коммунистического типа, с решительной борьбой со всеми негативными явлениями, чуждыми социалистическому образу жизни, нашей коммунистической морали. Для нашего общества, как подчеркивалось на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС, характерно «уважение к достоинству и правам личности», что относится к непреходящим ценностям, неотъемлемым чертам социалистического образа жизни.

Правила жизни нельзя навязывать человеку в ультимативной форме. Они обращены к сердцу и разуму человека, к его доброй воле, и их можно лишь излагать, обосновывать, разъяснять, а не диктовать. Однако эти правила не просто пожелания, они имеют нормативный характер и иногда выступают как прямые требования самой жизни. Эти правила нацелены не только и даже не столько на простое обеспечение человеческого существования, сколько на решение всевозможных личных проблем наиболее разумными, эффективными, достойными человека средствами и в конечном счете на его всестороннее развитие, на воспитание характера и воли, на духовное обогащение, обуславливающее его возрастающий вклад в общее дело. Носителем правил жизни является человек во всей многогранности его потребностей, сил и способностей.

Выявление социально-политического и морального значения правил жизни необходимо, но недостаточно для их обоснования. Следует рассмотреть также теоретические и логические трудности, которые таятся в этой проблеме.

На опушке логических дебрей

Подходы к правилам жизни загромождены многочисленными теоретическими и логическими препятствиями. Для каждого правила можно подыскать некоторое «антиправило», поскольку в разных условиях бывают успешными и целесообразными действия, в известной мере противоположные друг другу («предупреждение событий» — выжидание; длительная подготовка — действие в виде экспромта и т. д.). Отсюда легко сделать вывод, что правило и «антиправило» взаимно погашают друг друга и нет смысла говорить о правилах. Но рассуждать таким образом — значит стать на позицию античного скептицизма, философского течения, представители которого, указывая на то, что о каждом факте возможны несовместимые, взаимоисключающие мнения, утверждали, что наилучшим образом поступает тот, кто вообще отказывается излагать какое-либо мнение. «Воздержание от суждения», «мудрое молчание» — вот, с этой точки зрения, признак истинного философа.

На самом же деле это — признак не мудрости, а отрешенности, удаленности от практической жизни, позиция абстрактного, оторванного от практики размышления, для которого все возможности равноценны. В реальной жизни мы делаем свой выбор и в зависимости от конкретных условий применяем то или иное правило.

При внимательном размышлении оказывается, что правило и «антиправило» противоречат друг другу не

по существу, а лишь по видимости. И то и другое могут рассматриваться как применение одного и того же правила, выраженного в словах «действуй с учетом конкретной обстановки». В одних случаях это значит: не спеши, «семь раз отмерь — один раз отрежь», «не лезь вперед батьки в пекло», в других — «куй железо, пока горячо», «промедление смерти подобно». Между правилом и «антиправилом» нет противоречия, ибо они относятся к разным ситуациям и условиям либо к разным сторонам одной и той же деятельности.

Решая сложную житейскую задачу, часто приходится применять не одно, а сразу несколько правил. При этом происходит своеобразная интерференция, взаимное наложение этих правил, в результате чего поступок, который, казалось бы, не соответствует в точности ни одному правилу, на самом деле отражает некоторые из них.

Пример взаимного наложения правил можно извлечь из дневников юного Л. Н. Толстого. Стремясь развить свою волю, он приказывал себе не бросать начатого дела и вместе с тем сознавал, что строгое и прямолинейное соблюдение этого правила чревато нежелательными последствиями и даже абсурдом. «Какое бы ты ни начал умственное занятие, — писал Толстой, — не бросай его до тех пор, пока ты его не кончишь. Так как это правило может повести к большим злоупотреблениям, то здесь нужно его ограничить следующим правилом: имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим». Пожалуй, здесь он слишком погорячился: вряд ли нужно определять цель для каждой минуты; но человек, конечно, должен иметь цели, а бесцельное существование принижает его, парализует его волю и силы. Из приведенной записи Толстого видно, что взаимное наложение и ограничение правил может

быть очень полезным, поскольку помогает избегать крайностей и находить оптимальные решения.

Среди логических трудностей, связанных с правилами жизни, выделяется вопрос о том, существуют ли метаправила (от древнегреческого «meta» — после, за, над) — правила разработки и применения правил. Действительно, установление и особенно применение правил — дело сложное. Может быть, есть правила о том, как применять правила? Но если такие метаправила существуют, то должны быть и правила применения метаправил, а для этих правил — свои правила и так далее до бесконечности. Признание метаправил влечет за собой «регресс в бесконечность», на что обратил внимание еще Кант. Но этой логической ловушки вполне можно избежать. На наш взгляд, имеются следующие факторы, которые делают метаправила излишними: 1) правила жизни, как только что отмечалось, воздействуют друг на друга, и происходит их взаимная координация; 2) мы обладаем, говоря словами Канта, интеллектуальной способностью распознавать, подходит ли к данному случаю известное правило или нет, способностью, возрастающей вместе с жизненным опытом; 3) трудности и противоречия, кажущиеся неразрешимыми абстрактному, далекому от жизни рассуждению, преодолеваются в практической деятельности.

Все ли правила жизни одинаково необходимы для каждого человека? Нет, конечно, потому что люди (да и условия их жизни) не одинаковы. По-видимому, для человека наиболее важны те правила, которые больше всего помогают ему преодолевать или хотя бы ограничивать свои недостатки и слабости. Так, вспыльчивому человеку полезно вырабатывать у себя сдержанность, самообладание, и он должен своевременно напоминать себе и выполнять соответствующие наставления (например, «семь раз отмерь — один раз отрежь»); нерешительный, безынициативный человек должен пом-

нить, что «под лежащий камень и вода не течет». Человек сам выбирает из правил жизни те, которые для него особенно важны, и несет за это ответственность. В то же время при выборе правил можно и нужно использовать опыт и советы других людей.

А как быть в том случае, если человек еще не выбрал наиболее важные для него правила, а жизнь требует действовать немедленно? Вот что думал об этом Л. Н. Толстой: «...чтобы составить верные понятия о вещах и верные правила для жизни, недостаточно целого века размышления; хотя он (человек. — П. К.) на пути этом и идет вперед, но необходимость требует перестать составлять правила, но действовать по каким бы то ни было уже составленным. Поэтому все мы, входя в практическую жизнь, начинаем действовать, основываясь на тех несовершенных и недоконченных правилах и понятиях, на которых застала нас необходимость». Здесь надо учитывать, что Толстой сам составлял для себя правила, а это требуется, пожалуй, лишь в особых обстоятельствах; в большинстве же случаев мы можем усваивать и применять уже известные и проверенные правила. Но только практика помогает нам выбраться из бесконечных сомнений и колебаний, и закрепление правил происходит в практической деятельности.

Правила жизни отличаются от многих других правил своей тесной связью с философией, поскольку они основаны на определенном понимании сущности человека, смысла его жизни и направлены на охват человеческой жизни во всей ее широте (а отнюдь не на мелочную и назойливую ее регламентацию). Отсюда следует, что в понимании правил жизни недостаточно опираться только на выводы и предписания частных наук (советы медицины, принципы научной организации труда и т. п.). Общетеоретической базой для усвоения и применения правил жизни у нас является диалектико-материалистическая философия, непримиримая к иррацио-

нализму и агностицизму, которые либо вообще отвергают возможность правил жизни, либо выдвигают ложные, несостоятельные правила. Важно подчеркнуть основополагающее методологическое значение материалистической диалектики, ее принципов, законов, категорий. Правила жизни следует рассматривать как общие методы решения всевозможных задач личной жизни, связанные с диалектикой — всеобщим методом познания и изменения действительности.

Существенной основой для формулирования правил жизни и пользования ими являются, как уже отмечалось, принципы морали, в которых воплощаются исторически изменчивые нормы, ориентиры поведения людей. В нашем обществе такой основой нравственного поведения людей, их активной жизненной позиции являются нормы коммунистической морали. Обращаясь к молодежи, В. И. Ленин подчеркивал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»¹. Поэтому так важна выработка внутренней, органической потребности жить и действовать по принципам коммунистической нравственности. В Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы говорится: «Очень важно воспитывать с ранних лет коллективизм, требовательность к себе и друг к другу, честность и правдивость, доброту и принципиальность, стойкость и мужество характера»². Следование принципам коммунистической морали, ее требованиям к нравственному поведению личности — важное условие соблюдения правил социалистического общежития.

Коммунистическая мораль органически вбирает простые, элементарные нормы нравственности, без соблю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.

² О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Сборник документов и материалов. М., 1984, с. 48.

дения которых вообще невозможно существование общества. Сформулированные в виде пословиц, поговорок и т. п., они являются ценным материалом для понимания и разработки правил жизни. Многие из них прямо говорят о том, как человек должен решать свои практические задачи. Нельзя не отметить глубокую связь между мудростью пословиц и философскими идеями. Так, народная мудрость подчеркивает роль меры в человеческой жизни и деятельности, а понятие меры занимает важное место в философии, в том числе в материалистической диалектике.

Таким образом, правила жизни представляют собой комплексную проблему, которую питают различные источники: философия, мораль, политика, обыденное сознание, искусство и другие.

Перейдем наконец к самому трудному — к попытке изложить и обосновать некоторые основные правила жизни. Считая это весьма сложной задачей, мы, разумеется, не претендуем здесь на исчерпывающее и окончательное ее решение.

Предварительно напомним две главные черты правил жизни. Во-первых, эти правила, при всей своей нормативности, не догмы, не приказы, а скорее советы, предполагающие в человеке не бездумное машиноподобное функционирование, но способность самостоятельно решать и действовать с учетом конкретной ситуации и предшествующего опыта. Во-вторых, правила жизни находят свое воплощение и завершение только в деятельности человека и могут быть полезны лишь тогда, когда они соблюдаются. Самые хорошие правила «повиснут в воздухе», если человек не будет стремиться выполнять их на деле.

Теперь сформулируем некоторые основные правила жизни, выделяя их шрифтом и сопровождая пояснениями.

Место в жизни

1. Познавать себя самого, свои потребности, пути их удовлетворения и, учитывая это, искать свое место в жизни.

Почему именно это правило мы ставим в самом начале? Если человек не определил (или неправильно определил), что ему, собственно, нужно и как надо удовлетворять эти нужды, то при всех своих способностях и в самых, казалось бы, благоприятных условиях он может совершать нелепые поступки, наносить вред и себе самому, и другим. Здесь таится одна из причин ошибок молодости, порой неожиданных и труднообъяснимых. Если же человек нашел себя, понял свое призвание, определил свое место в жизни, то он обретает «архимедову точку опоры». Поиски призвания не сводятся к одним только размышлениям о собственной персоне, а происходят главным образом в практической деятельности. Человек лучше всего испытывает и познает себя в жизни, на деле, в процессе преодоления трудностей. Не случайно говорят, что иногда нужно исследовать весь мир, чтобы найти себя.

Конечно, совет «искать свое место в жизни» разные люди толкуют и применяют по-разному. Некоторые понимают это место как «тепленькое местечко» и заботятся лишь о своем благополучии, о своей выгоде, не откликаясь ни на просьбы других людей, ни на призывы общества. Такой подход несовместим с коммунистической идейностью и моралью. Поиски своего места в жизни — это и решение личных проблем, и участие в общем деле. Когда человек делает то, что нужно обществу, народу, коллективу, он вместе с тем занимается и правильно понятым своим личным делом, и сознание общественной пользы этого дела может доставлять ему большое духовное удовлетворение.

Поиски своего места в жизни часто происходят в

виде выбора профессии. Нет нужды объяснять, как важна эта задача для молодежи. Когда К. Марксу было 17 лет, он написал сочинение «Размышления юноши при выборе профессии». Оно проникнуто стремлением «выбрать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества...»¹. Маркс считал, что при выборе профессии необходимо учитывать не только свои индивидуальные склонности и способности, но и нужды других людей и всего общества, разумно сочетать личное и общественное. Такое понимание профессиональной деятельности имеет в нашей стране силу закона. В Конституции СССР (статья 40) записано: «Граждане СССР имеют право на труд... включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей». Чем лучше человек знает себя самого и общество, в котором он живет, тем правильнее он может сочетать личное и общественное при выборе профессии.

Самопознание и самовоспитание невозможны без знания человеком своих потребностей и разумного отношения к ним. Потребности играют в нашей жизни поистине огромную роль. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...»², — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Не будь у человека потребностей, он ничего бы и не делал. Потребность — это состояние живого организма, человеческой личности, социальной группы или общества, выражающее зависимость от внешних и внутренних условий их жизни и являющееся источником их активности. Потребность выступает как проявление природной или социальной необходимости, она властно заявляет о себе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 6.

² Там же, т. 3, с. 245.

и требует удовлетворения. Человек может испытывать самые разнообразные потребности: материальные и духовные, естественные и социальные, нормальные и извращенные.

Между потребностями человека и животных имеются глубокие различия. Предметы потребностей животных (пища, вода и т. д.) находятся в окружающей среде, а средства для овладения этими предметами животным не надо создавать: эти средства даны им «от природы» в виде их собственных естественных органов. Например, зайцу, чтобы утолить голод, нужно только найти подходящую для него растительность — и все в порядке. Ему не нужны ни коса, ни нож, чтобы срезать эту зелень, не надо ни мыть, ни варить ее и т. д. А волку надо лишь найти и настичь зайца или другую добычу — и проблема питания для него решена.

У человека дело обстоит сложнее. Он не может обойтись лишь теми «дарами природы», которые он потребляет без всякой обработки: фруктами, ягодами и т. п. Ему надо вспахать и засеять поле, убрать и обмолотить урожай, размолоть зерно, испечь хлеб, а для всего этого нужны определенные средства труда: плуги, тракторы и т. д. Он должен сам создавать эти средства и уметь их применять. Таким образом, человек имеет не только естественные потребности, но и потребности в разнообразных средствах их удовлетворения.

Следовательно, путь человека от его потребностей к их удовлетворению долог и сложен. Он должен вырабатывать и осуществлять план действий, ведущих к удовлетворению потребности. Проходя через призму сознания, человеческая потребность выступает уже в новом качестве — в виде целей, интересов. Цель есть конкретизация потребности и вместе с тем ее перевод из настоящего, в котором ее удовлетворение не представляется возможным, в будущее. К. Маркс отмечал: «...в том, что дано природой, он (человек. — П. К.) осуществляет

вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹. Отсутствие цели или неспособность определить ее тяготит человека, вызывает чувство пустоты и бессмысленности его жизни. «Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни — цели общей и полезной...» — писал Л. Н. Толстой.

Вышеприведенное правило получает здесь очень важное дополнение: человеку следует четко определять свои цели, основные и производные. Целеустремленный человек обычно деятелен, собран, внутренне дисциплинирован. Тем самым мы переходим к следующему правилу.

«Не позволяй душе лениться»

2. *Быть взыскательным и требовательным к себе, не останавливаться на достигнутом.*

Объясняя причины своих неудач, поражений, мы чаще всего ссылаемся на неблагоприятное стечение обстоятельств, на объективные, не зависящие от нас условия, на непредвиденные и непредотвратимые случайности. Действительно, причины некоторых неудач именно таковы. Но часто ли мы ищем эти причины в самих себе?

Ложная доброта к себе и недостаток самокритичности — весьма распространенные слабости, и они мешают нам правильно судить о собственной персоне, мешают понять, как важно быть требовательным к себе. Некоторые рассуждают примерно так. Мало того, что от меня чего-то требует начальство, требуют родители, преподаватели и прочие люди, неужели еще и я сам должен чего-то требовать от себя? Я признаю требования обще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

ства и других людей ко мне, более или менее выполняю их — и хватит с меня. За этими «благоразумными» взглядами обычно скрываются лень, пассивность, нежелание поработать над собой ради своей же пользы. Неверно полагать, что всякое требование придумано кем-то другим и является для человека только обузой, от которой лучше уклониться. Конечно, бывают и несправедливые требования. Однако требование может быть проявлением объективной необходимости, и в этом оно схоже с потребностью (кстати сказать, слова «требование» и «потребность» имеют общий корень).

Разумная требовательность к себе помогает человеку избавляться от своих слабостей и недостатков, достигать более значительных результатов в личных и общественных делах. Конечно, гораздо легче и удобнее сослаться на действительные или мнимые трудности, на коварные случайности, вместо того чтобы строго спросить себя, все ли ты сделал для достижения цели. Но, если цель и достигнута, все равно нельзя снижать требовательность к себе и «почивать на лаврах». Между тем усталость и одновременно радость в связи с завершением какого-либо трудного и сложного дела легко создают склонность к благодушному покою. Однако жизнь, в том числе и наша собственная, не стоит на месте, а выдвигает новые требования. Выполнение одной задачи — это плацдарм для постановки и решения других.

Сказанное можно подкрепить многочисленными афоризмами и девизами. Древняя мудрость предостерегает: «Опаснее всего тот враг, который таится в тебе самом». Лень, безволие, расхлябанность и другие отрицательные качества действительно наносят огромный вред самому их обладателю (не говоря уже об ущербе для других людей и для общества). С другой стороны, любовь к своему делу, соединенная с требовательностью к себе, является могучей движущей силой развития и совер-

шенствования человека. Известное изречение гласит: «Ни дня без строчки» (то есть без труда). Человек, преданный своему делу, хочет совершенствоваться в нем постоянно, ежедневно.

Настойчивость и требовательность к себе ценились всегда. В заключительном монологе Фауста И. В. Гёте писал:

...Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

В современных условиях, когда требования к человеку возрастают, требовательность к себе становится особенно ценным качеством. Уместно привести замечательные слова В. И. Ленина: «Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным»¹. Это относится и к политике, и к личной жизни человека.

Советский поэт Николай Заболоцкий призывал:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Конечно, этот призыв, выраженный в художественной форме, не следует понимать буквально как требование отказать от сна и отдыха. Слова «трудиться и день и ночь» указывают на важную роль времени в человеческой жизни. Тем самым обозначается переход к следующему правилу.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 196.

Обыкновенное чудо времени

3. Ценить и разумно использовать время.

На первый взгляд время кажется простой и хорошо известной вещью. Каждый из нас существует во времени и сознает это. Тем не менее время — чрезвычайно сложный и труднодоступный предмет познания. Что такое время? Каковы его свойства? Почему оно обнаруживает именно эти свойства (объективность, бесконечность, одномерность, необратимость, асимметричность и другие)? Что они означают? — по этим и другим вопросам идут дискуссии в естествознании и философии.

О времени написано очень много, причем львиную долю этой литературы составляют материалы, касающиеся тех данных, которые получены естественными науками: физикой, астрономией и другими. Гораздо меньше работ об использовании времени в обществе, о рабочем и свободном времени и о философском познании роли времени в человеческой жизни. Как человек осознает время, как относится к нему, оценивает и использует его — эти и другие вопросы философского объяснения «человеческого времени» столь же важны, сколь и мало изучены. Необходимо, в частности, установить различие между человеком и животными в отношении времени. Исследования биологов и медиков показали, что животные и растения представляют собой своеобразные «живые часы»; они отражают время на основе повторяемости определенных процессов их внешней и внутренней среды. При этом они не сознают времени, не имеют о нем никакого понятия. Так и обычные часы «показывают» время, не зная, что это такое. В организме человека тоже наблюдаются биологические ритмы, но, в отличие от всех искусственных и живых часов, человек имеет понятие времени, мыслит о нем.

Почему же у человека возникло сознание времени?

По той же самой причине, по которой для него необходим жизненный опыт: не имея от природы готового плана поведения, человек должен сам организовывать свою деятельность, а она протекает во времени. Необходимость планировать и осуществлять свою деятельность, главным образом трудовую, выполнять ее в определенные сроки, прямо не связанные с биоритмами организма (например, подготовка к зиме задолго до ее прихода, создание запасов «на черный день»), — все это и явилось основой для формирования понятия времени.

Отсюда видно, что человек отличается от животных не только своим сознанием времени, но и более свободным отношением к нему. Такое отношение имеет не только свои плюсы, но и свои минусы. Если животное находится на воле, в естественных условиях, то перед ним, по всей вероятности, никогда не возникает проблем, как провести свое время, чем заполнить его, — проблема, которая нередко тяготит человека. Все время животного заполнено его природной жизнедеятельностью, и пустого времени у него не бывает. Правда, времяпровождение животного довольно однообразно и заранее предопределено его биологическими особенностями. Человек же заполняет свое время тем или иным содержанием в зависимости от социальных условий, воспитания, образования и т. д.

Эти соображения позволяют подойти к важному вопросу об использовании времени. Поскольку время необратимо, мы не способны по своему произволу распоряжаться им, задерживать его или поворачивать вспять. Никакими силами нельзя вернуть прошедший миг. Вместе с тем можно и нужно разумно использовать время. Любая деятельность происходит во времени, и его правильное использование означает четкую организацию деятельности, соответствующую ее условиям и целям: тщательное планирование, выбор и применение наиболее подходящих средств и способов и т. д. Поскольку

время объективно, его правильное использование может давать большие практические результаты. Поэтому тот, кто не умеет разумно использовать свое время, еще недостаточно овладел «искусством жизни». Большое мастерство состоит в том, чтобы делать нужное дело, решать назревшие задачи в наиболее подходящее время.

В молодости мы часто не ценим время и тратим его зря. Некоторые молодые люди смотрят на свое будущее как на что-то бесконечное и не спешат браться за дело, полагая, что времени у них много и они еще успеют наверстать упущенное. Поэт Е. Винокуров писал:

Мы еще ведь не старцы!
Подумаешь — время! Дела!
Только юность сквозь пальцы
Как будто песок протекла.

Молодыми бывали.
А в том, что, мол, время течет,
Мы в те годы едва ли
Себе отдавали отчет.

Кое-что иногда действительно можно компенсировать, но даже в молодости время необратимо. А тот, кто еще в юности ценил и рационально использовал время, создает хорошую базу на будущее. Молодость называют весной человеческой жизни, и это сравнение вызывает в памяти пословицу: «Весенний день год кормит». Время, растраченное в молодости, приходится порой наверстывать всю жизнь.

Призыв ценить и разумно использовать время не означает безусловного одобрения юношеской нетерпеливости, о которой мы уже говорили выше. Тот, кто хочет «сразу всего достичь», отнюдь не доказывает этим, что он хорошо понимает значение времени. Ведь те или иные задачи возникают перед человеком лишь в определенной время, на определенной стадии его жизни.

Мысль о правильном использовании времени не означает и отрицания необходимости досуга, свободного, непринужденного времяпрепровождения. Дать себе время для того, чтобы собраться с мыслями, спокойно что-то обдумать, привести в порядок слишком бурные чувства и переживания, настроиться на рабочий лад, — это тоже входит в искусство использования времени.

Мы редко умеем ценить и чувствовать время во всех его масштабах. Одни стараются экономить минуты, злятся и нервничают, теряя их, но легкомысленно проводят целые месяцы и даже годы и как-то не замечают этого. Другие составляют грандиозные планы на много лет вперед, но не находят в себе силы воли даже для соблюдения режима дня.

Однако мы все-таки можем воспитывать, упражнять свое «чувство времени», подобно тому как можем развивать свои физические способности. Для этого надо следить за тем, как мы проводим свое время, когда и почему теряем его, и стараться сокращать эти потери: обдуманно распределять время, иметь распорядок дня и придерживаться его.

Многочисленные изречения и пословицы подчеркивают ценность времени. Таковы латинские афоризмы: «Времена меняются, и мы меняемся с ними», «Искусство вечно, жизнь коротка», «Вдвойне дает тот, кто дает скоро»; немецкие пословицы: «Время приносит свои плоды», «Время — лучший целитель» (то есть с течением времени человек так или иначе преодолевает последствия несчастий и неприятностей, бывших у него в прошлом). Напомним и русские пословицы: «Делу — время, потехе — час»; «Береги честь смолоду»; «Утро вечера мудренее»; «Всякому овощу свое время»; «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня»; «Минута час бережет»; «Поспешись — людей насмешись». Эти и многие другие изречения призывают ценить время, бережливо расходовать его, не впадая

вместе с тем в беспорядочную спешку. «Меру во всем соблюдай и дела свои вовремя делай», — советовал древнегреческий поэт Гесиод. Здесь выражена связь искусства использования времени с мерой в человеческих поступках.

О мере идет речь в следующем правиле.

«Мера — наилучшее»

4. Соблюдать меру во всех своих занятиях.

Мера — важное понятие философии, этики, эстетики, обыденного сознания. Здесь мы анализируем меру в человеческих поступках и видим в ней социально обусловленный и морально санкционированный регулятор деятельности, который должен использоваться каждым человеком в зависимости от его личных особенностей и конкретной обстановки. Понятие меры связано с понятием предела человеческих сил, о котором мы говорили ранее. Но понятие меры в некотором смысле шире: меру должен соблюдать каждый человек, даже если он и не помышляет достичь максимальных результатов.

Значение меры в человеческой жизни поистине трудно переоценить. Соблюдать меру — значит сохранять контроль над силами, которые мы приводим в движение, направлять их по нужному руслу и, если надо, прекратить их действие. Неумение человека управлять силами, вызванными к жизни им самим, приводит к тяжким последствиям. У многих народов есть мудрые сказки, образно выражающие эту мысль. В одной из них рассказывается о том, что некий человек узнал волшебное слово, которое приносит несметные богатства. Он спешит произнести его — и чудо свершается. Перед очарованным взором счастливого появляется золото, и его становится все больше. Но вскоре радость сменяется

тревогой: подобно стихийному бедствию, золото сыплется мощным и неудержимым потоком. Надо бы приостановить этот поток, и тут незадачливый любитель сокровищ с ужасом осознает, что ему неведомо второе волшебное слово, которое прекращает чудо. А золото продолжает сыпаться и в конце концов погребает «волшебника» под своей массой.

Известны многочисленные пословицы и афоризмы, призывающие знать и соблюдать меру. «Мера — наилучшее», «Пользуйся мерой», «Есть мера в вещах» — эти древние изречения и сейчас звучат актуально. Мера играет в человеческой жизни не только охранительную и предупредительную, но и мобилизующую роль. Она не только ограждает от того, чего не следует делать, но и предоставляет широкое поле для активного осуществления того, что надо делать. В пределах меры мы можем и должны действовать целеустремленно и решительно. Правильно понятая мера никоим образом не противоречит активной жизненной позиции.

Правда, иногда меру ошибочно трактуют как «золотую середину» в плохом смысле этих слов, как позицию робкого или равнодушного человека, который не хочет проявлять особую активность, быть впереди, становиться борцом и в то же время опасается попасть в число отстающих и критикуемых. Это — ложная мудрость обывателя, перестраховщика.

На самом же деле соблюдение меры не имеет ничего общего с приспособленчеством, половинчатостью, моральной и политической бесцветностью. Мера не устраняет необходимости смелых поступков и максимальных усилий. Это видно уже из того, что в соблюдении меры, в разумном самоограничении можно и нужно совершенствоваться постоянно. Обоснованное самоограничение — не ограниченность. У Гёте есть афоризм: «Мастер познается только в ограничении». Один скульптор на

вопрос, как он достигает столь высокой степени совершенства в своих творениях, ответил: «Я беру глыбу камня и удаляю из нее все лишнее». Соблюдать меру — это и значит «удалять все лишнее» (из своих произведений, из своих поступков). На первый взгляд это — простой принцип, но его применение требует большого мастерства, воли, настойчивости.

Есть хорошее выражение: делать что-либо в полную меру своих сил. Оно удачно передает сущность правильного подхода к мере, который состоит в следующем: во-первых, не браться за то, что для тебя заведомо непосильно, за исключением особых случаев; во-вторых, не идти «по линии наименьшего сопротивления», предотвращать недоразвитие своих сил и способностей из-за их слабого применения.

Определение и соблюдение меры — поистине тонкое искусство: мера не известна заранее, до опыта, и не остается постоянной, а меняется в зависимости от возраста, обучения, состояния здоровья и т. д. Говоря о политическом росте пролетариата, В. И. Ленин подчеркивал: «... только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»¹. Это относится и к личной жизни. Каждый человек должен сам найти свою меру, а это можно сделать только на основе практической деятельности и жизненного опыта. Мы не хотим этим сказать, что в жизни все точно измерено и отмерено. Бывают безмерная радость и безмерное горе, неизмеримые трудности и бесконечно тяжелые поражения. Достойное отношение к ним тоже входит в «искусство жизни». Тем самым мы переходим к последнему в нашем кратком изложении правилу.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

«Здесь Родос, здесь прыгай!»

5. *Использовать всякую, в том числе и неблагоприятную, обстановку, извлекать уроки из неудач и поражений.*

В жизни бывают и счастливые случаи, «улыбки фортуны», но конечно же наивны те, кто надеется только на счастливый случай и ожидает его сложа руки. Нам приходится действовать в той обстановке, в которой мы находимся. В басне древнегреческого сатирика Эзопа рассказывается про хвастуна, который хвалился своими необыкновенными прыжками на острове Родос и утверждал, что свидетели могут это подтвердить. Один из его слушателей сказал, что свидетели не нужны, и добавил: «Здесь Родос, здесь прыгай!», то есть покажи здесь и сейчас, на что ты способен.

Эту же мысль (хотя и в другой форме, применительно к себе самому) записал в своем дневнике Л. Н. Толстой: *«Ежели я буду ожидать обстоятельств, в которых я легко буду добродетелен и счастлив, я никогда не дождусь: в этом я убежден»*. Конечно, было бы нелепо сделать отсюда вывод, что вообще не надо никогда и ничего ждать. Ожидание, как и немедленное действие, бывает необходимо в зависимости от конкретной обстановки. Умение ждать очень ценно, если им не прикрываются для оправдания пассивности и безделья. Здесь мы критикуем ожидание как единственный способ решения всех проблем личной жизни, а не как один из многих элементов деятельности.

Совет использовать даже неблагоприятную обстановку распространяется также и на неудачи и поражения. Разные люди относятся к ним по-разному. Одни безвольно склоняются под их тяжестью, впадают в отчаяние либо в апатию, становятся пессимистами или циниками. Другие, хотя им тоже нелегко, сохраняют контроль над собой и пытаются извлекать некоторую

пользу даже из своих неудач и поражений. По-видимому, именно о таких людях говорят, что за одного битого двух небитых дают. Французский моралист Франсуа Ларошфуко замечал: «Не бывает обстоятельств столь неблагоприятных, чтобы умный человек не мог извлечь из них некоторую выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя». Это объясняется тем, что всякая ситуация имеет много сторон, среди которых могут быть и положительные и отрицательные, и бывает чревата разными последствиями, из которых осуществляются те или иные — в зависимости как от внешних условий, так и от нашего собственного поведения. И конечно же для использования обстоятельств нужен не только ум (о котором справедливо говорит Ларошфуко), но и воля, самообладание, внутренняя собранность и другие качества.

Размышляя о жизни видных прогрессивных деятелей и революционеров, К. Маркс отмечал: «...все действительно сильные натуры... даже из поражений всегда черпали новые силы...»¹ История революционного движения в России знает много славных имен, которые могут служить примером мужественного преодоления трудностей и стремления к возвышенной цели вопреки всем преградам. Бесстрашный рыцарь революции Ф. Э. Дзержинский писал: «Когда я думаю о всех тех несчастьях в жизни, которые подстерегают человека, о том, что человек так часто лишается всего того, к чему он был более всего привязан, снова моя мысль говорит мне, что в жизни надо полюбить всем сердцем и всей душой то, что не преходяще, что не может быть отнято у человека... Любовь к страдающему угнетенному человечеству, вечная тоска в сердце каждого по красоте, счастью, силе и гармонии... дает ему исполинские силы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 434.

и уверенность в победе... С этих пор всякое новое несчастье не является более источником отречения от жизни, источником апатии и упадка, а лишь вновь и вновь побуждает человека к жизни, к борьбе и к любви».

Существует мнение, что малообразованные, духовно примитивные, морально нечистоплотные люди легче переносят неудачи и несчастья, чем люди образованные и высоконравственные. Это ошибочный взгляд, который основывается лишь на отдельных случаях. Если человек не обособляется от общества, от коллектива, от других людей, если он исповедует высокие моральные принципы, то он располагает большими возможностями для противодействия неудачам и бедам, чем индивидуалист и эгоист. Общение с людьми смягчает остроту и тяжесть поражения, придает человеку новые силы. Не случайно говорят: «Разделенная радость — вдвойне радость, разделенное горе — наполовину горе».

Глубокий интерес к искусству и науке тоже помогает преодолевать личные трудности и огорчения. Искусство и наука создавались многими поколениями людей, это неиссякаемый источник чувств и мыслей, и, черпая из него, мы в какой-то мере восполняем тот ущерб, который наносят беды и несчастья. Благодаря художественным и научным занятиям мы приобщаемся к великому духовному богатству человечества и сами становимся духовно богаче и сильнее.

Не только поэзия, но и любой вид творчества, а также физкультура, спорт, туризм, то или иное любимое занятие («хобби») помогают преодолевать мрачные чувства и настроения, находить силы для новых дел. В трудный час деятельность особенно нужна, бездействие наиболее вредно. Если у человека, переживающего трудности, опускаются руки, а в душе звучит только одно: «Какой я несчастный!», то этим он лишь ухудшает свое положение.

Советский штангист Юрий Власов, мужественно

преодолевший тяжелую болезнь, пишет: «Надо воспитать себя, а точнее, перевоспитать, дабы несчастья, горе, усталость и беды не обращались в подавленность, беспомощность, растерянность, страх, а, наоборот, разбивались об энергию сопротивления. Надо, чтобы единственным ответом на подобные чувства и события было поведение, организованное на преодоление печальных и трудных обстоятельств».

Народная мудрость советует не покоряться несчастьям и, более того, даже извлекать из них пользу. «Не было бы счастья — да несчастье помогло», «Волков бояться — в лес не ходить», «Взялся за гуж — не говори, что не дюж» — эти и многие другие пословицы призывают к мужеству, стойкости, последовательности.

Вопрос об отношении к неудачам имеет и общественно-политическое значение. Если человек плохо знает окружающий мир и себя самого, не умеет правильно жить, то он часто склонен, поддавшись порыву чувства, обвинять в своих личных неудачах коллектив, начальство, общество, государство, кого угодно, только не себя самого. Движимый обидой и злобой, он может совершить и аморальный поступок, и преступление. Все это еще раз показывает, как важно «искусство жизни», умение правильно осмысливать и использовать жизненный опыт.

Заканчивая краткое изложение некоторых правил жизни, хотелось бы повторить, что эти и подобные им правила отнюдь не превращают человека в бесчувственный автомат, не лишают его личной самостоятельности и ответственности. Они призваны помогать ему избавляться от всего ненужного, нелепого в себе самом, предостерегать его от неразумных, опрометчивых поступков. Именно в этом их непреходящая ценность.

Заключение

Изложенные в этой книге размышления о жизненном опыте конечно же не являются исчерпывающими и окончательными. Тема эта настолько сложна и многогранна, что может быть предметом еще многих и многих исследований. Вообще говоря, с ней практически сталкивается каждый человек на своем собственном опыте.

Мы старались показать, что жизненный опыт является необходимой формой развития личности. Если бы человек вдруг лишился своего опыта, то он уподобился бы младенцу и был вынужден начинать все сначала. Будучи неповторимым и невоспроизводимым, жизненный опыт в то же время связан с другими видами опыта, прежде всего с общественно-историческим. Приобретая жизненный опыт, человек учится понимать других людей и себя самого, оценивать свои силы и способности и их пределы (а они подвижны), соблюдать надлежащую меру в своих поступках. Подобно тому как всякий опыт помогает развивать то или иное мастерство, жизненный опыт способствует обогащению очень сложного и тонкого мастерства — «искусства жизни». Следует подчеркнуть, что жизненный опыт, «искусство жизни» не находятся вне политики и морали и поэтому получают для нас практическую ценность лишь в том случае, если они проникнуты и одухотворены коммунистической идейностью и нравственностью.

Наверное, не существует абсолютно надежных способов легкого и быстрого решения всех жизненных задач. Но рассмотренные нами вопросы не относятся к числу пустяков и выдумок, а заслуживают и, более того, требуют к себе самого серьезного внимания. Жизненный опыт, «искусство жизни» могут служить для человека прочной опорой в его борьбе за справедливость и счастье.

Содержание

I. ТРУДНЫЕ ПУТИ ЖИЗНИ	3
«Умение жить» — что это такое?	—
Три плода мудрости	10
Жизненный опыт — путь к «искусству жизни»	11
Структура жизненного опыта	15
Жизненный и социально-исторический опыт	20
«Жизнь во всей ее широте»	27
«Если хочешь быть скотом...»	32
Тень «скупого рыцаря» и чудовище эгоизма	36
Опыт жизненный и естественнонаучный . . .	41
Немногое из многих споров	48
II. МОЛОДОСТЬ: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ	53
«Пройди опасные года»	54
О смысле жизни	58
Открытое письмо нетерпеливым	66
Ошибки, ошибки...	71
О пределах достижимого	75
Диалектика предела и беспредельности . . .	82
Как достичь наивысшего результата?	85
III. О ПРАВИЛАХ ЖИЗНИ	90
Из истории вопроса	91
Тайна игры	94
Правила жизни и мораль	98
На опушке логических дебрей	104
Место в жизни	110
«Не позволяй душе лениться»	113
Обыкновенное чудо времени	116
«Мера — наилучшее»	120
«Здесь Родос, здесь прыгай!»	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, согласишься чуду...

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилось связь...

Александр БЛОК

